

РИТМЪ И МЕТРЪ

ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ПОЭЗИИ.

Вступленіе. — Исторія вопроса: экзегеты — классики, иперархисты, отрицатели; націоналисты, философы. Общіе выводы.

Не многія изъ проявленій внутренней жизни народа связаны о такой степени съ частными особенностями духа народнаго, съ тѣмъ, что называется геніемъ народа, какъ проявленія въ формахъ поэзіи. Ни одинъ стихъ народный, ни одна черта въ строфѣ того стиха не могутъ стоять гдѣ-либо hors d'oeuvre народной очвы, но выходятъ непосредственно изъ послѣдней глубины ея и раскрываютъ собою духъ народа на столько, на сколько не раскрываютъ его всѣ другія жизненныя проявленія во всей ихъ совокупности. Величавая мягкость и ровность гекзаметра Гомера, трогость и степенность метрики народной нѣмецкой поэзіи, эластичная грація нашей былины характеристичны до такой степени, то по нимъ можно было бы составить полное понятіе о характерѣ и духѣ того или другаго народа, еслибы всѣ другія жизненныя проявленія его и не были извѣстны. И только совершенно ничтожный въ своей исторической жизни народъ, неуспѣвшій образовать изъ себя отдѣльнаго самостоятельнаго цѣлаго, можетъ не заявить себя самостоятельно въ своей поэзіи, не издать своего роднаго поэтическаго звука. Вотъ почему исторія народовъ, дробящаяся въ частности, какъ бы они ни были многочисленны, водится

съ однимъ мертвымъ тѣломъ, если она не озаботится прислушаться къ самому, такъ сказать, дыханію жизни, къ его поэзіи. Именно только въ поэтическихъ формахъ пульсъ народной жизни даетъ себя ощупать и безошибочно взвѣсить степень напряженности и силы народнаго духа. Поэзія служить свободнымъ проявленіемъ жизни при зарожденіи общества; она сопровождаетъ развитіе всей народной жизни и падаетъ только съ окончательнымъ подрывомъ этой жизни и даже въ то время, когда общество уже не способно къ новому оригинальному проявленію въ поэтической формѣ, все еще слышится въ устахъ народа древняя пѣснь, сложившаяся въ періодъ здоровой молодости.

Такими приблизительно чертами историки народныхъ литературъ вводятъ въ свои изслѣдованія о поэзіи. Мы, съ своей стороны, спѣшимъ здѣсь же сдѣлать ограниченіе. Неистоимый въ разнообразіи своихъ проявленій, духъ человѣка долженъ былъ, какъ вездѣ, такъ и въ формахъ поэзіи идти только *поступательно*. Если въ нашихъ европейскихъ поэзіяхъ форма съ одной стороны очень очевидна для перваго слуха, съ другой такъ развита, что равномѣрно проникаетъ собою каждый звукъ, каждую букву слова, не оставляя мѣста произволу пѣвца, то этого нельзя искать въ поэзіяхъ глубокой древности. Далѣе, подобно тому какъ языки народные чѣмъ ближе стоятъ къ временамъ первобытнымъ, тѣмъ болѣе обнаруживаютъ взаимнаго сходства въ словахъ и выраженіяхъ (какъ это à-priori заставляетъ предполагать единство человѣческаго рода), и поэгическія формы сдвигаются все ближе и ближе къ одному началу, если, въ разсмотрѣніи ихъ, идти постепенно глубже и глубже въ древность. Не то, чтобы всѣ древнія пѣсни у всѣхъ народовъ пѣлись на одинъ ладъ (напротивъ именно тамъ, во времена перваго роста человѣческаго слова бываетъ ощутительно разнообразіе, колебаніе и видимая неправильность въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ); но общій законъ и порядокъ поэгическаго движенія одинаковъ у всѣхъ

народовъ перваго цѣкла древности. «Слушаете ли вы древняго Индійца, Египтянина или Еврея», говоритъ Мюллеръ, «вы равно чувствуете себя у корня человѣческой поэзіи, и если вслушаетесь лучше въ эти звуки, вы увидите первичный законъ и мотивъ поэзіи движущимъ и направляющимъ еще колеблющееся и не твердое чувство». Тоже самое нужно сказать впрочемъ и о нынѣшнихъ собственно народныхъ поэзіяхъ, хранящихъ неизмѣнно характеръ древней пѣсни. Народный поэтъ создаетъ свои пѣсни изъ нѣдръ духовной цѣлины народа, а потому какъ въ отношеніи къ содержанію не чувствуетъ въ себѣ особеннаго личнаго элемента, такъ и въ отношеніи къ формѣ не задумывается надъ изобрѣтеніемъ новыхъ искусственныхъ движеній для своей пѣсни. Это уже дѣло дальнѣйшаго научнаго развитія народнаго чувства и вкуса. Чтобы объяснить свое положеніе представляемъ читателю примѣръ въ поэзіи греческой, о которой намъ часто придется упоминать впослѣдствіи. Совершенно справедливо не допускаютъ (См. Карьера Искусство.... 86) чтобы Иліада и Одиссея въ нынѣшнемъ ихъ видѣ могли принадлежать Гомеру. «Единство и выработанность гомеровскаго стиха подобны не столько корню, первому проявленію внутренней силы начинающей свою историческую жизнь Греціи, сколько многолистому вѣтвицу дерева жизни, гдѣ растительная сила мѣрно и съ увѣренностію выгоняетъ вѣтви во всѣ стороны и гдѣ частности сводятся одна съ другою уже развитымъ чувствомъ красоты». Конечно у подлиннаго Гомера было много метрическихъ вольностей, которыя были выглажены впослѣдствіи поэтами—книжниками, списывавшими Гомера когда явилось письмо. Иначе Гомеръ былъ бы какимъ то титаномъ, стоящимъ выше обыкновеннаго историческаго порядка. Всѣ древнія пѣсни Индіи, Египта, Вавилона, Іудеи, по своей формѣ весьма сходныя между собою, далеко не похожи на то, что называется стихомъ Гомера.

Ставя, такимъ образомъ, категорически метрическія формы всякой поэзіи подъ общій законъ прогрессивнаго развитія отъ

безыскусственного, часто неровного и грубоватаго метра начальнаго и народнаго до искусственно обогченнаго метра книжнаго, мы здѣсь предвидимъ возраженіе касательно поэзіи древнееврейской, составляющей предметъ нашего изслѣдованія, и имѣющей то высокое преимущество, что въ ея формахъ передано ветхозавѣтное Откровеніе. Фактъ весьма замѣчательный, что всѣ древнееврейскіе поэтическіе памятники имѣютъ характеръ священно-религіозный. Желанія нѣкоторыхъ толкователей видѣть остатки свѣтской поэзіи въ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, напримѣръ въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, прямо противорѣчатъ голосу всей древности. Извѣстное мѣсто изъ пророка Амоса (6, 5), которое часто приводится въ доказательство существованія у евреевъ особенной поэтической литературы съ свѣтскимъ характеромъ, скорѣе говоритъ совершенно противное, такъ какъ именно тамъ названо подражаніе *лирь Давидовой*. Что касается древнееврейскихъ поэтическихъ памятниковъ, не сохранившихся до насъ, напримѣръ книги браней Іеговы, книги Праведнаго, то, какъ видно изъ ихъ названій, они имѣли также религіозный характеръ. Такимъ образомъ вся поэтическая литература древнихъ евреевъ неразрывно связана съ религіею. Религія своимъ высокимъ вліяніемъ возвышаетъ естественныя формы еврейской поэзіи, сообщаетъ имъ особенную жизнь и силу. Съ другой стороны ветхозавѣтное Откровеніе, влитое въ формы этой поэзіи, дѣлается какъ бы нераздѣльнымъ съ нею, такъ что если Откровеніе сдѣлало еврейскую поэзію священною въ ея формахъ, то съ другой стороны эта послѣдняя самое ветхозавѣтное Откровеніе сдѣлала еврейскимъ по преимуществу и весьма часто понять смыслъ той или другой ветхозавѣтной книги невозможно безъ знакомства съ характеромъ и формами поэзіи. Въ этомъ именно заключается главное литературное различіе ветхозавѣтнаго Откровенія отъ новозавѣтнаго. Если отличительная черта новозавѣтнаго Откровенія, какъ переданнаго просгымъ, непоэтическимъ языкомъ, есть его отвлечен-

ность, по которой оно удобно может передаваться на всѣхъ человѣческихъ языкахъ, то Откровеніе ветхозавѣтное, по своей конкретной поэтической формѣ, связано болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, съ духомъ и характеромъ еврейскаго языка и поэзіи. Это не случайное явленіе, что переводы св. Писанія ветхаго завѣта во многомъ не могутъ согласиться между собою. Оригинальныя формы восточной поэзіи часто ставятъ мысль такимъ образомъ, что къ ней трудно подойти съ обычными въ нашихъ языкахъ приемами и потому объять весь горизонтъ ея въ той широтѣ, какую даетъ подлинный стихъ Библии, бываетъ невозможно для нашего непривычнаго европейскаго ума. Такимъ образомъ вопросъ о библейской поэзіи—вопросъ неизмѣримой важности для изслѣдователей Библии и долженъ занять первое мѣсто въ библейской герминеумикѣ. Такъ или иначе понять и рѣшить его значитъ такъ или иначе понять всю библию. Если напримѣръ, рационалисты отвергали ученіе о Троицѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ, если мистики видѣли въ Библии осьмирицы или десятирицы божественныхъ элементовъ, то нотому только что одни вовсе не имѣли, а другіе не имѣли правильнаго понятія о такъ называемомъ параллелизмѣ членовъ, повторяющемъ повидимому синонимы одного и того же понятія.

Эта именно связь ветхозавѣтнаго Откровенія съ древнееврейскою поэзіею представляетъ сущность возраженія, котораго можно здѣсь ожидать. Позволяетъ ли достоинство ветхозавѣтнаго Откровенія ставить формы древнееврейской поэзіи рядомъ со всѣми поэзіями древняго міра; или же эти формы, какъ наружная оболочка богооткровенной письменности, требуютъ особаго къ себѣ отношенія со стороны изслѣдователей? Этотъ вопросъ не разъ останавливалъ нашихъ толкователей и кажется именно въ невѣрномъ рѣшеніи его кроется причина, почему въ нашей богословской литературѣ нѣтъ даже малѣйшаго намека на руководство къ изученію ветхозавѣтной поэзіи. По нашему мнѣнію здѣсь

возможенъ одинъ только и самый простой отвѣтъ. Поэтическія формы не раздѣльны отъ языка и если Духъ Божій, спослушествовавшій духу человѣческому, благоволилъ влить свое Откровеніе въ древнееврейскій языкъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ вошелъ во все требованія и условія языка. И если этимологія и синтаксисъ библейскій не могутъ имѣть другого метода изученія, кромѣ метода общаго всемъ восточнымъ языкамъ, то тоже нужно сказать и о *просодіи* или о формахъ библейской поэзіи, которая, если позволительно употребить здѣсь выраженіе Гёте, «во всякомъ случаѣ представляетъ одну и притомъ самую звонкую и чистую ноту общечеловѣческаго хвалебнаго гимна Божеству, тѣхъ гармоническихъ изліяній, которыя несутся отъ всехъ вѣковъ и странъ то одиночными звуками, то частными ликами, то фугами, то безконечными волнами трепетныхъ сердечныхъ движеній человѣчества, въ усладу смертнымъ, въ воню благоуханія Вѣчному».

Прежде чѣмъ приступимъ къ изслѣдованію, считаемъ необходимымъ представить историческій рядъ отношеній къ нашему вопросу со стороны различныхъ изслѣдователей, во всехъ извѣстныхъ намъ подробностяхъ. Подобнаго рода введеніе въ изслѣдованіе, какъ ни утомительно и сухо оно можетъ показаться, считаемъ необходимымъ какъ потому, что оно само по себѣ представляетъ замѣчательную, хотя и забытую главу въ исторіи библейской экзегетики, такъ и потому, что безъ него читатель, неподозрѣвающий крайней трудности и сложности нашего вопроса, можетъ потребовать отъ насъ невозможнаго, если мы не предупредимъ его указаніемъ критерія для оцѣнки нашего взгляда и изслѣдованія.

Такъ какъ поэзія имѣетъ прежде всего непосредственную связь съ самою жизнью, то, когда эта жизнь прекращается, и поэзія, какъ пульсъ этой жизни замираетъ, не только въ томъ смыслѣ, что перестаютъ являться новыя поэтическія произведенія

новыя особенности въ метрическихъ формахъ, но даже въ томъ, что оригинальныя особенности и красоты древней поэзіи постепенно дѣлаются темными и непонятными. Пчѣмъ древнѣе народъ, тѣмъ труднѣе бываетъ понять и оцѣнить характеръ его поэзіи. Вотъ почему въ исторіи изученія еврейской поэзіи, начавшагося послѣ совершеннаго паденія исторической жизни народа Божія, приходится встрѣчать самые противоположныя, односторонніе и фальшивыя взгляды не только у позднѣйшихъ европейскихъ археологовъ, но и даже у древнѣйшихъ знакоковъ Библіи ученыхъ евреевъ. Большею частію эти взгляды обуславливались историческими обстоятельствами. Не понимая многого въ духѣ древнееврейской поэзіи и жизни, археологи старались вдохновить ее элементами той жизни, которою жили сами. А такъ какъ со времени окончательнаго паденія древне-іудейской жизни, въ Европѣ и Азіи господствовалъ духъ *греко-латинской*, и потомъ *арабской* культуры, то этими двумя культурами попеременно старались обозначать и сущность древнееврейской поэзіи. Неудовлетворительность многихъ подобнаго рода объясненій еврейско-библейской поэзіи, являвшихся на пространствѣ многихъ вѣковъ, постепенно породила сначала *сомнѣнія* въ возможности найти метрическія и риторическія формы въ Библии, а потомъ охлажденіе къ вопросу и положительныя *отрицанія* на различныхъ основаніяхъ всякихъ поэтическихъ формъ въ священной поэзіи, пока наконецъ въ новѣйшее время этотъ вопросъ не выдвинуть снова, съ новою силою и на новой почвѣ.

Древнѣйшіе іудейскіе ученые, современные паденію древняго іудейства, а за ними и всѣ гебраисты изъ отцовъ церкви были того мнѣнія, что древнееврейская поэзія съ ви́шней стороны не отличается отъ формъ поэзіи греческой и латинской. Первый высказалъ этотъ взглядъ александріецъ *Филонъ* (de vita contempl. 901, 902, 606). Не будучи самъ близко знакомъ съ библейскимъ языкомъ, но увлеченный греческою цивилизаціею и переложившій

уже всю ветхозавѣтную догматику на терминологию греческихъ философъ, Филонъ безъ какихъ либо особенныхъ объясненій объяснилъ своимъ послѣдователямъ эллинистамъ, что какъ Моисей, «изучившій въ Египтѣ, вмѣстѣ съ музыкою и гармонією, искусство метрики и рифмики греческой. такъ и всѣ древніе пѣвцы и пророки писали свои пѣсни *триметрически* и *строфически*». Другой древне іудейскій писатель *Іосифъ* говоритъ еще яснѣе тоже самое. О пѣсни по переходѣ чрезъ Черное море онъ замѣчаетъ: «и составилъ Моисей пѣснь Богу, въ которой заключалась хвала и благодареніе за благодѣянія, *въ гекзаметръ* (ἐν ἑξαμέτρῳ τῷν). Древн. Флав. кн. і1. гл. 7). Пѣснь Втор. 32 у Іосифа описывается такъ: «послѣ сего Моисей прочиталъ имъ (евреямъ) *гекзаметрическую* пѣснь, которую онъ вписалъ въ священныя книги и которая заключаетъ пророчество о будущемъ» (Древн. IV, 8). А о псалмахъ Давида у Іосифа есть такое замѣчаніе: «освободившись отъ враговъ и наслаждаясь глубокимъ миромъ, благодарный Давидъ воспѣлъ оды въ честь Божества и гимны различными метрами, одни двухстопные, другіе пятистопные (ὧδᾱς εἰς τὸν Θεὸν καὶ ὕμνους μέτρων ποικίλων, τῶς μὲν γὰρ τριμέτρους, τὰς δὲ πενταμέτρους ἐποίησεν. Древн. VII, 12)». Это мнѣніе вѣроятно было общимъ въ іудейскихъ школахъ первыхъ вѣковъ христіанства. По крайней мѣрѣ христіанскіе гебраисты того времени, даже стоявшіе весьма близко къ традиціямъ синагоги, продолжаютъ прилагать греко-римскій метръ къ разнымъ отдѣльнымъ книгамъ Ветхаго Завѣта. Въ сочиненіи de praerog. evang. (XI, 3, 514. изд. Col.) *Евсевій* находимъ слѣдующее мѣсто: «есть у нихъ (евреевъ) «метрическія сочиненія (ἑμμετροὶ ποιήσεις), какъ напримѣръ великая ода Моисея и Давидовъ псаломъ 118-й, написанные метромъ, который у Грековъ называется *героическимъ* (τῷ καλῶ μῆτρῳ παρ' Ἑλλήσιν ἡρώω μέτρῳ). Говорятъ, что это былъ гекзаметръ, сложенный изъ шестнадцати слоговъ. Другія же метрическія пѣсни сложены у нихъ изъ стиховъ трехстопныхъ и четырех-

стоппныхъ». Выраженіемъ *говорятъ* (φασι) Евсевій очевидно высказываетъ не свое мнѣніе, а мнѣніе другихъ тогдашнихъ ученыхъ знатоковъ библейскаго языка. Если подобныя ссылки на мнѣнія другихъ еще могутъ быть просты и понятны у историка Евсевія; то онѣ получаютъ особенное значеніе, встрѣчаясь въ сочиненіяхъ такихъ великихъ въ христіанскомъ мірѣ гебраистовъ, какъ Оригенъ и Іеронимъ. «Если кому, говорить въ предисловіи къ книгѣ Іова Іеронимъ, кажется невѣроятнымъ, что у евреевъ какъ псалмы, такъ и Плачь Іереміи и почти всѣ пѣсни, заключающіяся въ священныхъ книгахъ, написаны по стихотворной мѣрѣ въ родѣ нашего Флакція, греческаго Пиндара, Алкеона и Сафо (in moem nostri Flacci, Graecique Pindari et Alcaeae, et Sapphus), тотъ пусть прочитаетъ свидѣтельства Филона, Іосифа, Оригена, Евсевія Кесарійскаго и онъ удостовѣрится изъ ихъ свидѣтельствъ, что я говорю правду (me verum dicere comprobabit)». Очевидно такимъ образомъ, что во время Іеронима α) вѣра въ метрическія формы Библіи основывалась только на преданіи, идущемъ отъ лицъ, которыхъ мы выше упомянули и β) уже въ то время нѣкоторымъ казалось страннымъ, что древнееврейскія пѣсни написаны по метру греко-римскому. Тѣмъ не менѣе самъ Іеронимъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій продолжаетъ настаивать на этомъ преданіи. О самой книгѣ Іова Іеронимъ говоритъ: «отъ начала книги до первой рѣчи Іова въ еврейскомъ текстѣ идетъ проза. Отъ словъ Іова, гдѣ онъ говоритъ: «да погибнетъ день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказали: челоуѣкъ зачался», даже до мѣста предъ окончаніемъ книги: «поэтому я отрицаюсь и раскаяваюсь во прахѣ и пеплѣ» идутъ гекзаметрическіе стихи *дактилемъ и спондеемъ* (dactylo spondeoque currentes), принимая, *по спеціальнымъ особенностямъ еврейскаго языка*, еще и другія стопы сходныя съ ними если не въ отношеніи слоговъ, то въ отношеніи мѣры времени». Къ сожалѣнію эти *особенности* еврейскаго языка, не поддававшіяся скандованію по греко-рим-

скимъ образцамъ, не обратили на себя надлежащаго вниманія Іеронима. Въ посланіи къ Павлу (t. II. p. 709. ed Mart.) Іеронимъ внушаетъ: «знай, что четыре псалма написаны по порядку буквъ еврейскаго алфавита, именно 110, 111, тотъ, о которомъ мы теперь пишемъ (т. е. 118) и 144, но такимъ образомъ, что въ первыхъ псалмахъ съ каждою буквою связанъ одинъ стихъ, состоящій изъ *ямбическаго три метра*, (которымъ написана и пѣснь Второзаконія), а въ 118 псалмѣ съ каждою буквою связано 8 стиховъ. Въ книгѣ Плачъ Іереміи четыре алфавита, изъ которыхъ первые два сложены по образцу сафическаго метра (*sapphico metro*), такъ какъ они представляютъ связанные между собою *три* малые ряда, имѣющіе во главѣ только *одну собственную* букву, что напоминаетъ элементъ героическаго стиха (*heroici comma*). Третій же алфавитъ книги Плачъ сложенъ *триметрически*, такъ какъ здѣсь три стиха всегда начинаютъ три тождественныхъ буквы. Даже притчи Соломона заключаютъ въ себѣ алфавитъ въ ямбическомъ тетраметрѣ, начиная отъ мѣста: «кто найдетъ жену честную». Наконецъ въ предисловіи къ хреникѣ Евсевіи Іеронимъ восторгается греческимъ стихомъ книгъ Ветхаго Завѣта, ссылаясь снова, и уже безъ особенной нужды, на прежнее авторитеты. «Что благозвучиѣ Псалтири, которая, по образцу нашего Флакція и греческаго Пиндара, то движется ямбомъ, то звучитъ алкеемъ, то беретъ начальный тактъ сафическій, то начинается полустопомъ!.. Что прекраснѣе пѣсни Второзаконія (32) и пѣсни Исаіи (5 гл.)! Что величественнѣе Соломона! Что совершеннѣе Іова! Всѣ они идутъ рядами гекзаметрическими и пентаметрическими *какъ пишутъ Іосифъ и Оригенъ*». Послѣ этого нисколько не удивительно, что на эти же авторитеты въ вопросѣ о библейской поэзіи ссылается блаженный *Августинъ*, не знавшій еврейскаго языка. «Изъ какихъ мѣръ состоятъ стихи Давидовъ не буду писать, потому что не знаю; но я вѣрю знатокамъ, что псалмы взложены метрически, такъ какъ Псалмопѣвецъ

аль и любилъ музыку» (Opp. t. II. Ep. 131 ad Numerium).
приимая полною вѣрою эти мнѣнія, другіе учителя церкви при-
исывали пророкамъ самое изобрѣженіе героическаго метра. «Между
всеми родами стиха, говоритъ Псидоръ Исп., первый есть геро-
ическій. Извѣстно, что его употребилъ вначалѣ пророкъ Моисей
въ своей пѣсни Второзаконія задолго прежде Фересиды и Гомера;
отсюда слѣдуетъ, что наука стихосложенія у евреевъ древнѣе,
чѣмъ у язычниковъ. Извѣстно, что и книга Іова современная
Моисею, изложена гекзаметромъ въ дактиляхъ и спондеяхъ». На-
конецъ изъ сочиненій отеческихъ здѣсь можно указать еще свидѣ-
тельство Θεодорита (Комм. на II. пѣсн. 1. 1), по выраженію
котораго св. Писаніе соединяетъ въ себѣ «съ достоинствомъ на-
ученія людей, еще красоту классическаго строа стиха» и свидѣ-
тельство сочиненія: «вопросы и отвѣты о правовѣріи», находя-
щагося между трудами Іустина мученика, гдѣ говорится, что
пѣсань Моисея была въ собственномъ смыслѣ метрическою.

Но все эти свидѣтельства, высказанныя въ пастырскихъ
наставленіяхъ отцами церкви, не имѣли научнаго характера. Въ
нихъ даются однѣ голыя опредѣленія и вовсе не указаны правила,
руководствуясь которыми каждый могъ бы прилагать къ Библии
греческую скандовку. Ни у одного отца церкви не указано даже
никакого примѣра, изъ котораго читатель могъ бы усмотрѣть,
какъ они относились къ еврейскимъ гласнымъ и слогамъ, во
многомъ отличающимся отъ гласныхъ и слоговъ греческихъ.
Кромѣ того, послѣ отческаго періода еврейская Библия получила
такъ называемую мазоретскую акцентуацію. Нужно было рѣшить,
считать ли эту акцентировку тождественною съ метрическимъ чте-
ніемъ Библии Оригена и Іеронима и вообще соотвѣтствующею
древнееврейскому поэтическому чтенію, или отбросить ее какъ
нововведеніе, вовсе не передающее, или по крайней мѣрѣ пере-
дающее не точно характеръ древней метрики? И въ первомъ
случаѣ какъ понять акцентировку, чтобы найти въ ней правиль-

ный древній метръ, и если можно оправдать научнымъ путемъ отеческіе взгляды на библейскую поэзію? Во второмъ случаѣ какъ исправить ее, чтобы найти въ пей чистый древній метръ? Отвѣтомъ на эти вопросы съ 17-го вѣка идетъ цѣлый рядъ попытокъ обосновать научнымъ путемъ древнее преданіе о классическомъ метрѣ въ библейской поэзіи.

Первую попытку такого рода сдѣлалъ *Францискъ Гомаръ* въ своемъ сочиненіи *Davidis Lyra seu nova Hebraeae scripturae ars poetica* (1637). Правила для открытія метра въ мазоретской Библии, по его опредѣленію, состоятъ только въ слѣдующемъ: «краткость и длину слога опредѣляетъ только гласная, поколику она только можетъ быть долгою и короткою; шва не даетъ никакого слога; для послѣдняго слога стиха безразлично короткій ли онъ и долгій. Каждый *мазоретскій* стихъ можетъ имѣть не менѣе двухъ *метрическихъ* стиховъ, но часто имѣетъ больше. Раздѣляемая такимъ образомъ еврейская пѣсня распадается на ряды, имѣющіе стихосложеніе греческое и римское, но такимъ образомъ, что каждый стихъ представляетъ нѣчто самостоятельное, имѣетъ особенное имя и не долженъ быть подобенъ другому». Очевидно для перваго взгляда, что здѣсь не дается никакого метра. По этимъ правиламъ можно раздѣлять на стихи и всякую прозу, какъ это показалъ уже Луд. Капеллъ въ своихъ *animadv. ad Lyram novam Davidis*, потому что для каждой группы словъ, взятой произвольно, всегда можно подыскать родъ метра, соотвѣтствующій расположенію слоговъ въ данной группѣ. Для пѣсни необходимо, чтобы метръ былъ одинаковъ во всѣхъ стихахъ и не переходилъ изъ такта въ тактъ. Такимъ образомъ справедливо замѣчаніе Де-Ветте, что просодія Гомара противорѣчитъ требованіямъ и правиламъ не только еврейскаго, но и всякаго другаго языка. Но нетерпѣніе понять, какимъ бы то ни было образомъ, библейскій метръ было такъ велико въ то время, что просодію Гомара приняли безпрекословно такіе замѣчательные ученые этого времени,

какъ Конст. l' Empereur, Д. Гейзій, Луд. de-Dieu, Готтингеръ и молодой Буксторфъ. Въ своемъ *epistola dedicat.* къ талм. лексикону своего отца, Буксторфъ писалъ: «почтенный старецъ, докторъ Гомаръ первый гениально и мудро открылъ и разъяснилъ основаніе свящ. поэзіи, которое было погребенно въ неизвѣстности отъ временъ пророковъ».

Но если Гомаръ въ своемъ изысканіи считалъ еще безспорнымъ соотвѣтствіе мазоретскаго текста съ древнимъ поэтическимъ чтеніемъ, то другіе грамматикі, при опредѣленіи ветхозавѣтнаго метра, пытаются перестроить, каждый по своему образцу, все мазоретское чтеніе, сокрывшее якобы подъ собою формы древней поэзіи. Таковъ былъ во второй половинѣ 17-го вѣка *Мейбомъ* (его соч. *Davidis Psalmi decem... 1690. Marc. Meibomii novarum in sacro hebraeo codice interpretationum suarum specimen secundum 1678. Adnot. in Ezech. cap. XXXI...*), который, на основаніи своихъ собственныхъ правилъ, хотѣлъ реставрировать весь мазоретскій текстъ поэтическихъ книгъ; но, сдѣлавши одну «пробу метрическаго улучшенія текста», Мейбомъ не указалъ законовъ своего новаго метра, потому, какъ онъ самъ наивно замѣчаетъ, что «не нашелъ въ Англіи шесть тысячъ любопытныхъ подписчиковъ, которые согласились бы заплатить пять фунтовъ стерлинговъ за экземпляръ его новой метрики, долженствовавшій выйти въ двухъ томахъ *in folio*». Съ большею скромностію и способностію взялся за тоже дѣло *Францискъ Гарѣ* (*Psalmorum liber in versiculos metricè divisus et ope metrices multis in locis integritati suae restitutus Lond. 1786*), представившій также самодѣльную систему еврейской метрики. Вотъ его положенія для отысканія метра въ Библии: «Еврейская поэзія состоитъ изъ однихъ двуслоговыхъ стопъ и притомъ изъ однихъ *ямбическихъ* и *трохаическихъ* стиховъ. (Proleg. 12). Требуется, чтобы въ одномъ и томъ же періодѣ былъ одинаковъ родъ стиха, т. е. чтобы два или три стиха изъ которыхъ состоитъ періодъ, были или всѣ

ямбическіе или всѣ троханческіе, различаясь впрочемъ по длинѣ; но въ различныхъ періодахъ родъ стиха можетъ быть различенъ (стр. 6 и 7). Но, прилагая къ дѣлу эти правила, Гаре допустилъ огромный произволъ, уничтожая различіе долгихъ и короткихъ, и смотря по надобности, принимая и долгую гласную за короткую и шву за долгую гласную. Такими грубыми средствами онъ доказывалъ присутствіе двуслоговыхъ стопъ въ Библии, принимая, что стихъ съ неравнымъ числомъ слоговъ есть ямбическій, а съ равнымъ—троханческій. Далѣе, чтобы каждый разъ въ дистихахъ второе полустихіе имѣло родъ метра согласный съ первымъ, Гаре требуетъ забыть нынѣшнюю пунктацію и измѣнять чтеніе смотря по надобности; напримѣръ вмѣсто schamaim онъ читаетъ schamem вмѣсто lecha lach, вмѣсто leroth legaoth, вмѣсто kibne (Пс. 114, 6) kebene (утверждая, что правило объ измѣненіи швы предъ швою ложно). Цѣлыя слова у Гаре переносятся по произволу въ ту или другую часть стиха (31 стр.). Наконецъ гдѣ все это не помогаетъ подвести стихъ подъ ямбическую или троханческую мѣрку, тамъ Гаре объявляетъ отдѣльныя исключенія. Эти основоположенія Гаре были приняты и расширены Хр. *Beÿce* (*systema psalmorum metricum* а Fr. Hare *purer adornatum* 1740). Вообще о системѣ Гаре справедливо замѣчаетъ Заальшутцъ, что музыка его стиховъ не многимъ пріятнѣе для уха, чѣмъ разсыпающіеся звуки стихосложенія Гомара. Вотъ примѣръ, представленный самимъ Гаре, какъ норма библейскаго стопосложенія:

Пс. CXI. 1. Ódeh jávoh bécol lébab
 básod jéscharím veyédach.
 gedólim máyse jáhvoh,
 derúsím lécol chópezéhem.
 hod véhahár poýálo,

vezídcató yomédeth láad.
zekér asáh lenípléotav;
channún veráchum jáhvoh.
terép nathán liréav;
jizcór leólam brítho.

cóch masáv higgíd leámmo
lātheth lāhem nūchlath góim.
masé jadáv eméth umíschpat;
nemánim cól pikkóдав:

sémuchím láad leólam
ásuím b'eméth vejáschar.
pedúth schalách leámmo,
zivváb leólam brítho;
kadósch venóra schémo.

réschith chóchmah jírath jáhvoh,
sékel tób lecól oséhem;
théhillátho ómedth láad ').

Болѣ другихъ въ этомъ направленіи прославился виттеберскій профессоръ К. Г. Антонъ, много трудившійся надъ изученіемъ еврейской акцентуаціи, музыки ²⁾ и метрики (*Conjectura de metro Hebraeor. antiquo*) и представившій остроумную систему древняго библейскаго метра, основывающуюся на слѣдующихъ правилахъ. Акцентъ вообще указываетъ долгій слогъ; но онъ пере-

---

¹⁾ Просимъ читателя сличать приводимыя чтенія съ мазоретскимъ.

²⁾ См. нашу статью «древнееврейская музыка» въ Тр. К. Акад. 1871. Дек. 398 и дал.

мѣняетъ мѣсто или теряется гдѣ встрѣчаются два акцента на двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ; въ словахъ трехсложныхъ кромѣ послѣдняго акцентуруется еще первый слогъ и долженъ быть долгимъ; шва въ нѣкоторыхъ случаяхъ опускается, а въ другихъ образуетъ слогъ и даже иногда долгій, смотря по обстоятельствамъ; патахъ *furtivum* то образуетъ слогъ, то нѣтъ; дагешъ сильный то опускается, то восполняется (гдѣ не стоитъ въ текстѣ); вокализация во многихъ мѣстахъ должна измѣниться. Такими превращеніями Антонъ достигаетъ того, что библейскія пѣсни сближаются у него съ стихосложеніемъ Пиндара въ ямбахъ и анапестгахъ. Для примѣра вотъ 9-й псаломъ, раздѣленный Антономъ на стопы и строфы:

Stroph a

Thabheu | goim | bescha | chath asu
Bere | scheth su tha | manu nil | kedah rag | lam.

Syste ma

Noda | jehovah | mischpat | asah
Веро | al cappav | nokesch | raschaʿ.

Higgajon Sela.

Epodos

Jaschu | bhu re | schaim | lischo | lah
Col goim | schechehe | elo | him
Ki lo | lane | zach jis | schachach ebh | jon
Tikvath | anijim | tobhad la | ad

Antistroph a

Kumah | jehovah | al jaos | Enosch
Jischa | phethu | goim | al pane | cha.

S y s t e m a.

Schithah | jehovah | morah la | hem

Jedeu | goim enosch hem | mah.

Очевидно, что эта система, какъ ни казалась она увлека- тельною многимъ, не имѣетъ подъ собою почвы и представляетъ не болѣе какъ оптический обманъ. Раздѣленіе пѣсни на строфы, антистрофы, эподы, системы, представляя безцѣльное подражаніе Пиндару, группируетъ строки положительно произвольно. Равнымъ образомъ и скандовка по стопамъ совершенно отрывается отъ библейскаго текста. Озабоченный поправкою мазоретской метрики, Антонъ доходитъ до того, что уже не въ интересахъ текста ищетъ мѣры стиха, а наоборотъ въ интересахъ предзанятой мѣры ищетъ текста и разнообразно видоизмѣняетъ его, не замѣчая при этомъ, что въ своихъ поправкахъ онъ дѣлается жертвою противорѣчій. Какимъ образомъ одну и ту же вокализацию въ одномъ и томъ же словѣ можно въ одномъ мѣстѣ считать правильною, а въ другомъ испорченною и требующею исправленія? Какимъ обра- зомъ одна и та же шва можетъ переходить изъ безгласнаго знака въ гласный, играть даже роль долгой гласной, когда въ системѣ мазоретской она имѣетъ одно и строго опредѣленное значеніе? Какимъ образомъ можно внести удвоеніе буквы сильнымъ дагешемъ (читать напр. umbakkesche, вмѣсто umebakche Пс. 24, 6) тамъ гдѣ мазореты считали это невозможнымъ? На всѣ эти вопросы Антонъ не отвѣчаетъ.

Свободиѣ нѣсколько отъ этихъ произвольныхъ увлеченій въ исканіи библейскаго метра является современникъ Антона *Лаутвейнъ* (Versuch einer richtigen Theorie von der biblischen Verskunst 1773). Въ поэтическихъ частяхъ св. Писанія, гово- ритъ онъ, мазоретскіе монологи раздѣляются на малые стихи, которые имѣя тѣсную связь съ содержаніемъ, при своемъ раздѣ- леніи, въ тоже время въ подлинникѣ связаны между собою из-

вѣстнымъ поэтическимъ созвучіемъ (стр. 40). Скандованіе стиховъ опредѣляется акцентами, стоящими всегда въ слогѣ ударенія (стр. 75). Впрочемъ такіе стихи, въ которыхъ полустигія построены одною мѣрою и съ однимъ числомъ слоговъ встрѣчаются рѣдко. Но такъ какъ они все же встрѣчаются, то отсюда можно заключить что еврейскій языкъ, какъ всякій другой, былъ способенъ къ равномѣрному стихосложенію. Достаточно, прибавляетъ Лаутвейнъ, для оправданія этого взгляда слѣдующихъ примѣровъ:

Втор. 32, 10. Jimzaéhu beaéraez midbàr
 Ubhetóhu jelèI jesahimon
 In der heulenden Wüste, im Land
 Wilder Einsamkeit traf Er ihn an ¹⁾.

Исх. 15, 8. Nizebbhù chemo—nèd noselim
 Kapheù tehomòt belaeabh—jàm
 Fluthen stunden wie Haufen, der Grund
 Ward eröffnet im Herzen des Meers.

Втор. 32, 33. Chamàt taninim jenàm
 Veròsch petanim achsàr.
 Ihr Wein ist der Drachen Gift
 Und wütender Ottern Gift.

Ис. 94, 9. Hanóta ósaen halò jischmà
 Hajózer äjin halò jabbit.
 Wird der nicht hören, der Ohren pflanzt
 Wird der nicht sehen, der Augen schafft.

Подобныхъ стиховъ, говоритъ Лаутвейнъ, въ Библіи встрѣчается такъ много, что ихъ никакъ нельзя считать случайными

---

¹⁾ Оставляемъ переводъ Лаутвейна, такъ какъ онъ приспособленъ къ метру, находимому авторомъ въ еврейскомъ стихѣ.

построениями; во всякомъ случаѣ эго *поэтическія украшенія и фигуры* (стр. 46). Не преимущественная особенность библійской поэзіи состоитъ въ *строфахъ*, въ особенномъ отношеніи къ нимъ отдѣльныхъ стиховъ, особенно послѣднихъ, которые всегда отличаются въ строфѣ, то метрическою длиною, то короткостію, то особеннымъ употребленіемъ мѣры слоговъ. Для примѣра Лаутвейнь предлагаетъ первыя строфы 111 и 112 псалмовъ:

Odaèh Iehováh bechol—ledhàbh
Besòd jescharim veedàh
Gedòlim maasè Iehováh
Deruschim le—col—caephzèhaèm.

Hod—vehadàr poolò
Vezidkatò omaédaet laàd
Saécher asàh leniphleotàv
Chanùn verachùm Iehováh.

Von Herzen bekenne ich öffentlich
Mit Frommen vereinigt, den Herrn;
Die Geschäfte des Höchsten sind gross,
Allen, die sie lieben, erwünscht.

Herrlich und schön ist sein Werk
Und ewig steht bevestigt sein Recht;
Wunder hat Er zum Denkmal gesetzt
Der treu' und erbarmende Herr.

'Achre-isch jaré aet-Iehováh
Bemizvotàv chaphèz meòd
Gibbòr baáraez jehjaèh sarò
Dòr jescharim jebhoràch.

Hòn vaóschaer bebbhetò
Vezidkatò omae 'daet laad

Sáràch bachóchaechör lajescharim
Chanùn verachùm vezaddik.

Selig ist, wer in der Furcht des Herrn,
 An seinen Worten sich engötzt;
 Des Saame mehret sich stark im Land,
Kinder der Frommen gehts wohl.

Reichthum blüht in seinem Haus,
 Ung ewig steht bevestigt sein Recht;
 Gott ist der Frommen Licht in Finsterniss,
Barmherzig und treu und gerecht.

Такимъ образомъ Лаутвейнъ принимаетъ почти только свободный метръ, зависящій отъ звукоударительной силы акцентовъ. Впрочемъ о скандовкѣ стиховъ и раздѣленіи строфъ онъ говоритъ неясно, какъ онъ самъ сознается, общая издать болѣе точное и обстоятельное изложеніе законовъ библейскаго метра, хотя, сколько извѣстно, этого новаго изложенія въ печати не являлось

Между изслѣдователями, мечтавшими исправить мазоретскій текстъ въ интересахъ метра и рима, особенную категорію представляютъ далѣе такъ называемые иперарабисты. Если выше указанные нами филологи старались внести въ еврейскую поэзію греко-римскій метръ, то другіе такимъ же путемъ сближали еврейскій стихъ съ живымъ и богатымъ стихомъ арабскимъ, въ надеждѣ по аналогіи съ нимъ выяснять черты мертваго стиха древнееврейскаго. Сюда принадлежатъ собственно *Юнесъ* (Comment. Poes. Asiat. recudi curav. Eichhoun 1777. p. 61 и дал.) и *Гревесъ* (ultima capita libri Iobi 38—42; accedit tractatus de metris Hebraicis Vaticiniorum Iesaeae pars.). Переносъ правила арабской метрики на библейскіе стихи, Юнесъ требуетъ считать долгими всѣ слоги съ покоящимися согласными или съ буквами: алефъ, ге, вавъ и іудъ (matres lectionis); гдѣ нѣтъ гласной, тамъ нужно вставлять

арабскую (арабскій языкъ гласными богаче еврейскаго и имѣть имъ часто въ тѣхъ слогахъ, гдѣ въ Библии стоитъ шва). Такимъ образомъ получатся стихи подобные арабскимъ, но однакожъ такъ, что каждый стихъ будетъ скандоваться по особенному роду арабскаго метра. Напр. Пѣсн. Пѣсн. 1, 5.

Šehūrēh ā | nī vānā | ūhbēnūt yē | rūšālem
 Šaahlī | kedārca | yērīūt | Šolōmeh.

Здѣсь первая строка построена по такъ называемому *второму* ладу арабскаго стихометра, а вторая по *пятнадцатому*. — Гораздо сложнѣе вышла теорія иперарабизма въ системѣ метра Греве, начинающаго изслѣдованіе заявленіемъ своей непоколебимой увѣренности, что библейскій текстъ имѣлъ метръ совершенно согласный съ арабскимъ и сирскимъ, но что этотъ метръ сокрытъ теперь подъ фальшивую орфографію мазоретовъ. Такимъ образомъ Греве арабскую вокализацию признаетъ за еврейскую; именно принимаетъ вообще только пять гласныхъ $\aleph$ а, $\aleph$ е, $\aleph$ и, $\aleph$ о, $\aleph$ у; кромѣ того камень и цере признаются у него гласными, когда они стоятъ на мѣстѣ пропущеннаго $\aleph$; шва mobile есть обыкновенная гласная, а шва quiescens указываетъ конецъ слога, какъ арабское джесмъ; патахъ furt. совершенно отбрасывается; дагешъ сильный можетъ быть только тамъ, гдѣ онъ характеристиченъ, а въ этихъ случаяхъ даже въ буквахъ гортанныхъ. На этихъ новыхъ грамматическихъ началахъ Греве основываетъ слѣдующую просодію, соответствующую арабско-сирской метрикѣ. Всѣ слоги, имѣющіе только гласную, безъ другой согласной и покоящейся, *коротки*; если же за гласною слѣдуетъ слышная согласная, или покоящаяся, или алефъ, вавъ и іодъ, это слогъ долгій. Какъ употребительнѣйшіе въ Библии роды метра Греве называетъ: *ямбическій триметръ, диметръ и тетраметръ*. При ямби-

ческомъ тетраметръ въ 6-й стопѣ можетъ быть ямбъ, анапестъ или амфимацеръ, а въ прочихъ стопахъ, кромѣ того, еще спондей, который впрочемъ въ одномъ и томъ же стихѣ повторяется не больше трехъ разъ, и то не сряду; больше трехъ разъ не повторяется также анапестъ и амфимацеръ; встрѣчаются наконецъ дактиль и трибрахій. Въ *ямбическомъ диметрѣ и тетраметрѣ* господствуетъ такая же мѣна различныхъ стопъ. — Кромѣ того, есть еще *трохаическія* пѣсни, въ которыхъ съ трохеемъ смѣшивается спондей, трибрахій, дактиль и кретицеръ, и *ананестическія*, въ которыхъ рядомъ съ анапестомъ стоятъ кретицеръ, спондей, ямбъ, дактиль и трибрахій. Наконецъ Грече говорить о пѣсняхъ, изложенныхъ въ строфической формѣ, *сапіна strophica*, то приближающихся къ одамъ Горация, то, подобно пѣснямъ Пиндара, состоящимъ изъ строфы, антистрофы и эпода.

Грече. Псаломъ 65. Ямбическій тетраметръ.

Lăchă dŭm | jăh thăhit | lăh ēt | lohīm | bizijōn |
 vălăchă | jōschul | lam nēdēr
 Bijērūs | schalēm | schāmī | thāfil | lăh ādē chā
 cōl | basār | jābō
 Dēbārē | āvō | noth gābā | rū mīm | nū pīsch | ēnū |
 āththā thīch | pōrōm
 Āschārā | thībchār | vathōkā | rib jīsch | cōn
 chāz | rēchā nīsch | bāah | bitōb
 Bājthōchă | kadosch hēchalō | chă nō | rā bizīdk
 thānēnū | ēlēh jīsch | inū

Mōbā | tīch cōl kās | v̄e ārz | v̄ajām | rāchō | kīm

mōchīn | hārim | bīcōchō

Nīsōr | bīgādū | rah mās̄ch | bīs̄ch schā | ōn

jām | mīm schā | ōn gāl | lēhōmō

lēhmū | nā goim | v̄ajī | rāu | jōschibē | katzōth

mīo | jhōthichā

Māsāe | bōkēr | v̄aerēb | thōrān | nīn pākād · thā

ārz | v̄athōschāk | kīnā

Rābōth | thōās̄ch | schīrēn | nāh pīl | lāg ēl | lohīm

mālō | mājīm

Thāchīn | dāganām | khī khīn | thākhī | nāh

thāl | mēhā | rōvāh | nāchāth

Gādū | dēhā | bīrībī | bīm thōmō | gīgēn | nāh

zīm | chāh thīb | rāchēn

Ātār | thā schānāth | tobāthā | chā vāmā | gālē | chā

jōrā | āfūn | deschēn

Jōrā | ifū | nāōth | mīdbar | vīgīl | gēbāōth |

thāchgōr | nāh lib.

Bāschū | cārīm | hā | zōn vāem | kīm jā | tōfū

bār jīth | rāu āf | jās̄chjīrū

Какое значеніе могли имѣть эти попытки послѣдователей
ипераравизма обложить св. Писаніе оболочкою поэзіи и смаяльцянъ?

Хотя языкъ арабскій былъ языкомъ, близко родственнымъ еврейскому, но, такъ какъ здѣсь сравнивался языкъ позднѣйшихъ арабовъ съ языкомъ Давида и Соломона, то результатомъ, какъ и въ предшествующихъ случаяхъ сближенія древнееврейской поэзіи съ грекоримскою, могло быть только бесполезное и безцѣльное извращеніе текста. 1) Что касается мазоретской вокализациі и правописанія, то это не вчерашнее явленіе. Ея значеніе утверждено вѣками и подтверждается чтеніемъ Новаго Завѣта, переводомъ LXX и отцами церкви, читавшими, за рѣдкими исключеніями, библейскую букву также, какъ она читается у мазоретовъ ¹⁾). Если даже вѣрно, то, что пунктуациа въ своихъ знакахъ взята у арабовъ или сирійцевъ, то это никакъ не предполагаетъ тождественной вокализациі, потому что даже нарѣчія одного и того же языка всегда имѣютъ много особенностей, особенно въ отношеніи къ гласному элементу. 2) Переложеніе стиховъ библейскихъ на арабскую просодію не можетъ быть оправдано потому, что въ новомъ, самомъ по себѣ, арабскомъ языкѣ арабская просодія представляетъ *новое* явленіе (см. объ этомъ Ейхгорнъ на Iones comment. p. 61. Гердеръ Stud. der Theologie betteffend. Th. 1). Да и нельзя назвать арабскою просодію эту пеструю смѣсь метровъ изъ различныхъ ладовъ арабской стиха. Если Іонесъ находитъ, въ приведенномъ нами его примѣрѣ, одинъ стихъ взятымъ изъ *второго* лада арабской метрики, а слѣдующій за нимъ изъ *пятнадцатаго*, то другими, болѣе точными, словами это значитъ, что въ примѣрѣ нѣтъ поэтическаго склада, потому что подобная смѣсь именно отличаетъ прозу, не говоря уже о томъ, что для открытія и этого нескладнаго метра Іонесъ и Греве должны были допустить тысячи странныхъ и неизвѣстныхъ даже въ арабскомъ языкѣ исключеній, на примѣръ, что окончанія множественнаго

---

¹⁾ См. Гезен. Geschichte d. hebr. Sprache, 207. и мою статью Древнееврейская музыка. Тр. Акад. 1871. Дек. 394 и далѣе.

числа муж. —im, женск. единст. ath, ah и множ. —oth безъ всякаго опредѣленнаго закона могутъ быть то долгія, то короткія, какъ это бываетъ нужно Іонесу и Греве. По отношенію къ книгѣ Іова, одной изъ самыхъ осязательно поэтическихъ книгъ, Греве, слѣдуя своей просодіи, принужденъ былъ замѣтить, что, по причинѣ многихъ исключеній и частой перемѣны стопъ, она приближается скорѣе къ прозѣ, чѣмъ къ поэзіи. Понятно отсюда, наконецъ, какая музыка могла заключаться въ подобнаго рода просодіи. Ямбъ, спондеи, ананестъ, дактиль, трибрахій, фигурируя другъ предъ другомъ, даютъ такіе тоны и, если угодно, такой концертъ, въ которомъ главный недостатокъ зависитъ отъ того, что ни одинъ изъ нихъ не держится натурально на мѣстѣ, но постоянно мѣняется положеніемъ съ другими. Напрасно Іонесъ сравниваетъ это смѣшеніе метровъ съ разнообразіемъ стиховъ въ поэзіи Пиндара, потому что въ этой послѣдней это разнообразіе всегда одинаково повторяется и потому всегда оставляетъ по себѣ впечатлѣніе единства.

Неудача этихъ трудовъ въ объясненіи библейскаго метра сторонними средствами заставила изслѣдователей нынѣшняго вѣка быть болѣе осторожными и въ изслѣдованіи метра ограничиться строгимъ изученіемъ и разъясненіемъ мазоретской вокализаци и акцентуаци, вмѣсто ея мнимаго исправленія. Сюда принадлежатъ *Беллерманъ* (*Uersuch über die Metrik der Hebräer. 1813* и *Заальшутцъ* (*Von der Form der hebräischen Poesie. 1825. Form und Geist der biblisch—hebräischen Poesie 1853*). Беллерманъ основалъ свою просодію на такъ называемой системѣ *могагит*, извѣстной въ библейской грамматикѣ со времени Альтинга и Данзія. Каждый слогъ библейскій, по измѣренію Беллермана, даетъ одинаковую мѣру для произношенія, одинаковыхъ *три момента*, причемъ слогъ, имѣющій акцентъ, будетъ долгій, а остальные короткіе. Случай недостатка и излишества моментовъ въ слогахъ покрываются и уравниваются акцентомъ. Если каждый слогъ безъ ударенія долженъ имѣть три момента, то слоги съ ударені-

емь иногда имѣють болѣе или менѣе (2 или 4). «*Это излишество и недостатокъ оправдываются удареніемъ* (dursh die Betonung gerechtfertigt), *возвращающимъ читателя къ общей мѣрѣ*». Правила для моментовъ состоятъ въ слѣдующемъ: долгая гласная даетъ два момента, а короткая одинъ; шва простая и сложная, патахъ furt. не даютъ момента; согласныя какъ простыя такъ и двойныя (двѣ согласныхъ, встрѣчающихся въ слогѣ предъ гласною, обыкновенно раздѣляемыя швою, но здѣсь смѣшивающіяся въ одну) даютъ всегда одинъ моментъ; покоющіяся буквы не даютъ момента, но имѣють одинъ моментъ, когда они играютъ роль согласной; буква he на концѣ слова, если предъ нею сеголь, даетъ одинъ моментъ, послѣ камеца и цере не даетъ момента; съ маппикомъ одинъ моментъ; префиксъ ʾ и даетъ три момента; дагешъ и метегъ—одинъ моментъ.—Но такъ какъ, какъ уже сказано, акцентъ опредѣляетъ долгій слогъ своимъ удареніемъ, помѣщаясь обыкновенно на *последнемъ* слогѣ, то, при большинствѣ словъ двухъ—и трехсложныхъ, долженъ выходить почти только *ямбическій* и *анapestическій* размѣръ; не многія слова, съ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ будутъ представлять трохей. «Такимъ образомъ, говоритъ Беллерманъ, обыкновенный библейскій метръ это ямбъ и анапестъ, перемежающійся съ трохеемъ и трибрахіемъ».

Беллерманъ. Псаломъ 112.

1. ʾĀschrē—īsch | jāre | ʾēth—jōvāb,
Bmizvōthāv | chāfēz | m'ōd.
2. Gibbōr | bāā | rez jīhje | sārō
Dōr | jschārīm | jbōrāch.
3. Hōn vā | ōscher | b'bethō,

- Vzidkǎthō | ōmā | dēth lāād.
4. Sārāch | bāchō | schēch ōr | lājschārīm
Chanūm | vrāchūm | vzāddīk.
5. Tōb īsch | chōnēn | ūmālvēh,
Icākhēl | dbarāv | bmischpāt.
6. Khī | lōlām | lō īmmōth
Lsēcher | ōlām | jījēh | zādīk
7. Mischmūah | rāah | lō jīrā,
Nācōn | libbō | batūch | bajōvāh.
8. Sōmūch | libbō | lō jīrā
Ād' schēr | jīrēh | bzārāv.
9. Pisser | nāthān lāab | jōnīm,
Zidkǎthō | ōmā | dēth | lāād,
Kārno | thārūm | bcābōd.
10. Rāschā | jīrēh | vcaās,
Sinnāv | jāchrōk | vnamās
Thāvāth | rschāim | thōbēd.

О значеніи гипотезы Беллермана справедливо замѣтилъ де-Ветте (Komment. über die Ps. 50), что, хотя она не открыла библейскаго метра, но, во всякомъ случаѣ, сдѣла правдоподобнымъ, что въ поэзіи еврейской преобладаютъ лады амбическій, трохаи-

ческий и апостетический. Попытка Беллермана, прибавляетъ Заальшутцъ, имѣетъ высокую цѣну, потому что онъ первый предположилъ возможность скандовать библейскій стихъ по акцентоударенію. Но, продолжаемъ замѣчанія Заальшутца, если поэты древнееврейскіе очевидно имѣли понятіе о метрическихъ формахъ, о тактѣ и мѣрѣ, если напр., Давидъ обладалъ въ совершенствѣ искусствомъ музыки и рима; то ужели его ухо могло ограничиться подобными моментами, не требуя ничего болѣе равномернаго и музыкальнаго? Ужели древнееврейскій языкъ имѣлъ такъ мало оборотливости и силы, чтобы не устранить такихъ препятствій плавности, какія представляетъ, напр., трохей, врывающійся въ ямбическій ладъ, между тѣмъ какъ, во многихъ случаяхъ, поэту слѣдовало только употребить другое синонимическое выраженіе, чтобы сохранить полный ямбическій метръ. Что касается системы *moqamim*, то эта естественная музыка языка, болѣе или менѣе, существуетъ во всѣхъ идіомахъ, хотя часто на нее не обращаютъ вниманія. Но у Беллермана непонятнымъ образомъ связываются съ моментами слоговъ акценты. Одинъ и тотъ же акцентъ уничтожаетъ ненормальность и слога въ два момента (недостаточнаго) и слога въ четыре момента (избыточествующаго). Положимъ, что своею силою акцентъ можетъ прибавить моментъ произношенія; какимъ же образомъ онъ можетъ въ другомъ случаѣ отнять его? Вообще регулирующая дѣятельность акцентовъ здѣсь невыяснена и не поставлена на какомъ либо основаніи. Точно также въ ненормальныхъ слѣгахъ, ненимѣющихъ акцента, допущены авторомъ исключенія страннаго рода; напр., буква *he*, дающая моментъ послѣ сеголя и не дающая послѣ кameca и cere.

Но лучшее опроверженіе Беллерману представляетъ система *Заальшутца*, къ которой, по выраженію Гесерника, *mutatis mutandis* можно отнести все то, что говоритъ самъ Заальшутцъ противъ Беллермана. Соглашаясь съ Беллерманомъ о значеніи акценто-удареній, какъ основаній въ размѣрѣ стиха, Заальшутцъ

основываетъ однакожь на нихъ метръ совершенно противоположный найденному Беллерманомъ, ямбическо-анapestическому.

Древнееврейское удареніе, говоритъ Заальшутцъ, должно читаться не на послѣднемъ слогѣ, какъ принято, а на *предпослѣднемъ*. Это доказывается: а) тѣмъ, что въ другихъ семитическихъ языкахъ, арабскомъ и сирскомъ, удареніе всегда имѣетъ мѣсто именно на этомъ слогѣ. Грече, по мнѣнію Заальшутца, показалъ замѣчательную близорукость, не обративъ вниманія на арабское удареніе въ своихъ продолжительныхъ изысканіяхъ по вопросу объ арабской вокализаци, въ ея приложеніи къ библейскому мегру, между тѣмъ какъ именно въ арабскомъ удареніи лежалъ ключъ къ открытію древнееврейскаго размѣра стиховъ. б) Въ еврейскомъ языкѣ, какъ въ нѣмецкомъ, удареніе всегда держится корня; а такъ какъ въ еврейскомъ языкѣ чрезвычайное обиліе суффиксовъ, то удареніе натурально всегда почти должно было удалиться отъ конца къ началу. в) Формы, принимаемыя еврейскими словами въ паузахъ (передвиженіе удареній съ послѣдняго слога на предпослѣдній) ясно показываютъ расположенность языка къ ударенію на вгорѣ отъ конца слогѣ. г) Нынѣшніе нѣмецкіе и польскіе евреи, конечно слѣдуя древнему преданію языка, даютъ древнееврейскимъ словамъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.—Правда, у мазоретовъ акценты почти всегда стоятъ на послѣднемъ слогѣ слова, но, какъ видно изъ ихъ древняго названія (*peginoth*), они были не грамматическими знаками ударенія, а поэтическими, и стояли на концѣ только потому, что относились къ музыкѣ всего слова, сосредоточивавшейся и независимо отъ мѣста акцента, на предпослѣднемъ слогѣ; присутствіе акцентовъ какъ обыкновенныхъ знаковъ ударенія на послѣднемъ слогѣ было бы даже излишне, если бы всѣ слова произносились, какъ полагаютъ, съ удареніемъ послѣдняго слога.—Такимъ образомъ *древнее преданіе нынѣшнихъ евреевъ, образъ ударенія другихъ семитическихъ народовъ, паузная форма словъ библейскихъ, все приводитъ насъ къ заклю-*

ченію, что древнееврейскій языкъ имѣлъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ. Если же такъ, то рифмъ древнееврейскій былъ спондеодактилическій.

Итакъ, прежде всего, предпоследній слогъ долженъ разсматриваться какъ долгій, прямымъ и естественнымъ путемъ. Но при этомъ долгомъ слогѣ, особенно въ словахъ длинныхъ, еще другой слогъ можетъ получать ictus и по обстоятельствамъ играть роль метрически долгаго слога; ictus выходитъ изъ того, что одинъ изъ рядовъ стиха имѣетъ иногда меньше слоговъ чѣмъ нужно, напр.,

Hém ki'núni || bló—el (три члена)

Kja'súni || bhabléhem (два члена, чрезъ ictus три).

Эти слоги образуютъ длину или arsis стопы стиха; всѣ остальные слоги падаютъ въ thesis, и притомъ или какъ короткіе, подобно трохею, или какъ слоги *средняго момента*, къ которымъ принадлежатъ послѣдніе полные слоги слова, имѣющіе обыкновенно мазоретскій акцентъ. Двуслоговая стопа стиха съ подобнымъ заключительнымъ слогомъ, такимъ образомъ, можетъ разсматриваться какъ спондей, какъ и въ нѣмецкомъ языкѣ спондей образуютъ сильные средніе моменты. Въ отношеніи короткихъ слоговъ нужно имѣть въ виду, что шва можетъ по обстоятельствамъ то исчезать для метра, то имѣть значеніе короткой гласной, какъ и въ нѣмецкомъ читается напр., genädig и gnädig, gewaltiger и gewalt'ger, eigene и eigne.

Еврейскія слова, по большей части, двусложны или трехсложны. Поэтому, такъ какъ тонъ слова покоился на предпоследнемъ слогѣ, то, когда поэтъ, начавши двусложнымъ словомъ, прибавлялъ къ нему еще пять словъ, онъ получалъ то, что Иосифъ, Евсевій и Иеронимъ называли гекзаметромъ, или героическимъ размѣромъ стиха, именно рядъ стиха, состоящій изъ шести стопъ. Напр. Пс. 121, 2:

Ēsrî mē | īm ā | dōnāī | ōsēh schā | mājīm vā | ārēz

Но это, во всякомъ случаѣ, не греческій стихъ съ правильнымъ распредѣленіемъ стопъ стиха, съ благозвучными цезурами и проч. Это простѣйшія требованія равномерности и ритма, которыя древній поэтъ исполнялъ самъ не замѣчая того, и вовсе не заботясь о внѣшней формѣ стиха. «Еврейскому пѣвцу вовсе не приходило въ голову наблюдать за собою, состоятъ ли шесть стопъ его стиха изъ дактилей и спондеевъ, или къ нимъ примѣшался и трохей, входящій по обстоятельствамъ въ гекзаметръ вмѣсто спондеа даже въ нѣмецкой поэзіи». Точно также не удивительно и всѣ другія неправильности и вольности еврейской поэзіи, замѣченные уже Іеронимомъ, выраженія котораго о метрѣ библейскаго стиха, говоритъ Заальшутцъ, легко объяснимы съ точки зрѣнія нашего взгляда. Іеронимъ говоритъ, что стихи Псалмовъ часто сложены размѣромъ ямбическимъ. Этотъ стихъ могъ показаться Іерониму тамъ, гдѣ строка начинается слогомъ отрывочнымъ отъ остальнаго состава слова. Напр. Пс. 2, 2.

Jithjazz'bu mālcē ērēz

Vērōsnīm nōsdu jāchād

Al adōnai veāl mēschichō.

Но отсюда опять не слѣдуетъ, что древнееврейскій поэтъ при этомъ размѣрѣ имѣлъ въ виду именно тѣ правила, которыми напр., слѣдуетъ стихотвореніе Клейста «der Frühling», имѣющее въ гекзаметрѣ всегда предъударенія. Первый, короткий слогъ вышелъ въ Псалмѣ подъ вліяніемъ случайнаго, чрезвычайнаго, музыкальнаго настроенія уха писателя случайно остановившагося для выраженія своей мысли въ началѣ стиха на словѣ съ слабымъ первымъ слогомъ, какъ въ нѣмецкой поэзіи, на оборотъ, при свободномъ ямбическо-анapestическомъ родѣ стиха не

невозможно начать стихъ трохеемъ.—Равнымъ образомъ если, по Иерониму, нѣкоторые стихи псалмовъ звучать алкаически или сафически, то это вовсе не значить, что въ памѣреніи поэта было употребить именно этотъ родъ метра; здѣсь нужно разумѣть только одиночные случаи установившагося подобнымъ образомъ метра въ стихѣ. Напр. Пс. 2, 12: $\bar{n}\bar{a}s\check{c}h\check{k}\check{u}\ \bar{b}\bar{a}r\ \check{r}\bar{e}p\ \check{j}\bar{e}n\check{a}f\ \check{v}\bar{e}d\check{h}\bar{o}b\check{d}\check{u}\ d\bar{e}g\bar{e}sch$ подобенъ сафическому стиху, а заключеніе того же 12 ст. $\bar{a}s\check{c}h\bar{r}\bar{e}\ \check{c}\bar{o}l\ \check{c}h\bar{o}s\bar{e}\ b\bar{o}$, алкаическому. Замѣчаніе Иеронима, что нѣкоторые стихи начинаются полустопомъ, имѣетъ въ виду ту характеристическую особенность, что слову, стоящему подлѣ спондеемъ или трохеемъ и имѣющему только одинъ сильный слогъ дается обыкновенно особенное выраженіе, потому что послѣ него слѣдуетъ небольшая пауза, напр.

Пс. 111, 9. $\bar{P}e\bar{d}\bar{u}th\ ||\ sch\acute{a}lach\ le\acute{a}mmo$

Свободнымъ | онъ сдѣлалъ народъ.

Пс. 114, 3. $\bar{H}aj\bar{j}\bar{a}m\ ||\ r\acute{a}ah\ vaj\bar{j}\bar{a}nos.$

Море | оно увидѣло и убѣждало.

Наконецъ въ своей метрической характеристикѣ книги Іова Иеронимъ замѣчаетъ, что въ ней, при спондео-дактилическомъ, гекзаметрическомъ стихѣ, употребляются другія мѣры, одинаковыя если не въ отношеніи къ слогамъ, то въ отношеніи къ моментамъ времени, соотвѣтственно особенностямъ языка (*propter linguae idioma*). Кромѣ спондея и трохея, съ дактилемъ по моментамъ времени равенъ еще *первый паонъ*. Мѣра стиха, въ которой смѣшивается спондей и дактиль находится въ пѣсняхъ Клопштока: *die Rache* (гдѣ присоединяется именно и первый паонъ) и *das Gegenwärtige*.

Заальшутцъ. Пѣснь Моисея, раздѣленная на стихи и строфы. Исх. 15, 1—11):

Aschíra la | dónai khi | gá oh | gá ah

Sús ve | róchbo | rá-mah baj | jám

Ós-si ve. | sím-rath | jám

Vaj-hí li li — | schúah

Seh é li van | vé-hu

E—ló—he | á-bi va rom | mén-hu.

Adónai | ísch mil | chá-mah a- | dónai sche | mó

Márbboth | Pár'oh ve | ché lo | já-rah baj | jám

Umíbhach scha | líschav | túb-bu be | jám suph

Thó-moth jchas | júmu | jàrdú bim | zó-loth-kmo | áven

Jemíncha a | dónai ne | dári bak | kóach

Jemíncha a | dónai | thíraz | ójeb.

U bród ge | óncha | tháros ka | mécha

Theschállach cha | róncha joch | lé-mo kak | kásch

Ubruách ap | pecha ne | érmu | májim

Nízz'-bu kmo | néd | nós lim

Káfeu | thómoth | blébjam

Ámar | ófeb

Érdof | ássig

Achállek | schálal

Thimlaémo | náphschi

Árik | chárbi

Thorischémo | jádi.

Nascháphtá | brúcha | chá kis | sámó | jám
 Zólalu | káo | phéreth be | májim ad | dirim
 Míka | móchá ba | élim a | dónai
 Mí ka mócha. | nédar bak | kódech
 Nóra the | hílloth | oseh | peleh.

Основаніе, принятое въ гипотезѣ Заальшутца, представляетъ парадоксъ въ исторіи еврейской грамматики. Вопреки всѣмъ древнимъ грамматикамъ, что ударенія древнееврейскаго языка приходились на концѣ слова, какъ это показываютъ акценты, Заальшутцъ настаиваетъ на удареніи предпоследняго слога, чтобы получить *спондео-дактилическій стихъ*, т. е. чтобы оправдать свидѣтельство блаж. Іеронима, допускавшаго главнымъ образомъ этотъ метръ въ книгѣ Іова. Что именно это мнѣніе Іеронима заставило Заальшутца искать научнаго объясненія для спондео-дактиля библейскаго, это видно изъ постоянныхъ обращеній къ Іерониму въ изслѣдованіи Заальшутца, а особенно изъ послѣдней (20-й) главы его изслѣдованія, гдѣ онъ именно ставитъ цѣлю доказать, что Іеронимъ, Іосифъ и Филонъ говорятъ о библейскомъ метрѣ тоже самое, что говоритъ онъ. Но мы видѣли уже, что свидѣтельства этихъ древнихъ писателей не имѣли научнаго характера. Это были преданія, имѣвшія своимъ основаніемъ увлеченіе классическою литературою и не предполагавшія возможности существованія какой либо высокой поэзіи внѣ классическихъ формъ. Мы сказали уже, что начало этому взгляду положилъ Филонъ, даже не знавшій по еврейски. Если этотъ взглядъ поддерживалъ и Іеронимъ, то, какъ мы видѣли, при этомъ онъ прибавлялъ, что въ Библии героическій метръ постоянно нарушается особеннаго рода метрами, свойственными исключительно еврейскому языку. А такъ какъ этого послѣдняго рода метровъ, собственно еврейскихъ, Іеронимъ не старается опредѣлить, то очевидно, онъ и не имѣлъ

въ виду изслѣдовать библейскій метръ въ строгомъ смыслѣ, а дѣлалъ простыя реторическія сравненія, сопоставляя незнакомую его читателямъ древнюю библ. поэзію съ извѣстною до тонкостей классическою поэзію. Такимъ образомъ замѣчанія о формахъ поэзіи Іосифа, Евсевія и Іеронима для Заальшутца могли быть не обязательны, тѣмъ болѣе, что для научнаго доказательства ихъ, Заальшутцъ долженъ былъ рѣшиться на весьма странное предположеніе, что еврейскія слова не имѣютъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, а только на предпослѣднемъ. Основанія приводимыя имъ въ пользу этого предположенія весьма слабы. α) Если новоарабскій и сирскій языкъ ударяютъ слова на предпослѣднемъ слогѣ, то отсюда ничего не слѣдуетъ объ удареніяхъ древнееврейскаго языка, точно также какъ изъ удареній напримѣръ, французскаго языка (конечныхъ) нельзя заключать къ удареніямъ латинскаго языка (никогда не имѣющимъ мѣста на концѣ слова). β) Чтеніе нынѣшнихъ польскихъ и германскихъ евреевъ опять ничего не показываетъ, такъ какъ оно извращено подъ вліяніемъ нѣмецкаго прононса. γ) Несправедливо говоритъ Заальшутцъ, что акценты не имѣютъ никакого грамматическаго значенія, и потому только стоятъ всегда на концѣ. Напротивъ, когда нужно перенести удареніе на предпослѣдній слогъ, и акценты перемѣняютъ мѣсто и ставятся на предпослѣднемъ слогѣ (напр. въ именахъ сегольныхъ). Впрочемъ, послѣ общаго утвержденія о библ. спондео-дактилѣ, Заальшутцъ совершенно смягчаетъ свое мнѣніе и говоритъ о метрѣ «вполнѣ безыскусственномъ, соответствующемъ только естественнымъ требованіямъ такта». Такимъ образомъ мы можемъ повторить противъ Заальшутца тоже, что онъ говорилъ противъ Беллермана: ужели древнееврейскіе поэты, если они знали музыку и имѣли въ виду употребить именно стихотворную, а не прозаическую рѣчь, не были въ состояніи дать большую равномерность своему стиху; взявши за норму, какъ думаетъ Заальшутцъ спондео-дактилическій, героическій метръ, они, не смотря на по-

мощь со стороны самаго языка съ его двухсложными и трехсложными словами, якобы ударявшимися на предпоследнемъ слогѣ, на каждомъ шагу затрудняютъ свой размѣръ внесеніемъ то полустопъ, то стопъ совершенно другаго лада; вообще, по гипотезѣ Заалышутца въ Библии нѣтъ поэзіи въ собственномъ смыслѣ.

Наконецъ въ наше время приступилъ къ разъясненію библейскаго метра на томъ же основаніи тоновъ или удареній В. *Нетелеръ*, издавшій доселѣ еще только метрику первыхъ пятнадцати псалмовъ (*Anfang der hebräischen Metrik der Psalmen* 1871). «Всякій, имѣющій сколько нибудь музыкальное ухо, могущее различать текстъ, говоритъ Нетелеръ, не можетъ оставаться въ сомнѣніи, что причина того загадочнаго обаятельнаго ощущенія, какое испытывается при чтеніи Псалмовъ, заключается въ ихъ метрикѣ. И если извѣстнымъ слогамъ дать требуемое акцентомъ напряженіе, а различнымъ швамъ соотвѣтственное смягченіе звука, то метръ библ. выступитъ такъ ясно, что уже того, что произвольно схватываетъ при этомъ ухо, бываетъ достаточно, чтобы опредѣлить основоположенія библейскаго метра». Вотъ эти основоположенія: 1. Шва *mobile* и *compres.* и *патахъ furt.* не даютъ никакого особеннаго слога (какъ это достаточно извѣстно изъ еврейскихъ грамматикъ), а служатъ только предзвучіемъ другихъ слоговъ, и поэтому въ числѣ слоговъ не считаются. Короткія гласныя суффиксовъ вышедшія изъ швы, по требованію метра, то образуютъ слогъ, то исчезаютъ. 2. Слоги, отмѣченные мазоретскими акцептами, произносятся съ удареніемъ и метрически должны разсматриваться какъ долгіе; если два такихъ слога будутъ стоять рядомъ, то при этомъ тонъ перваго будетъ скрываться тономъ втораго, если при этомъ оба слова тѣсно связаны между собою, напримѣръ въ *cas. const.* Въ этой связи наоборотъ тонъ перваго затемняетъ тонъ втораго слога; если такіе слоги стоятъ на концѣ стиха, то они оказываютъ вліяніе на тонъ предшествующаго слога и заслоняютъ его, какъ это бываетъ

предъ большою паузой. Мазоретское измѣненіе мѣста удареній паузою, внутри стиха, даетъ цезуру для мѣры стиха. 3. Слоги, не отмѣченные акцентомъ, имѣютъ значеніе короткихъ, даже если они, находясь вблизи ударенія, подчиняются его вліянію. 4. Изъ присутствія метега при акцентахъ очевидно, что языкъ не терпитъ длиннаго ряда безтонныхъ слоговъ предъ главнымъ тономъ слога; такимъ образомъ метегъ указываетъ въ словѣ второе *побочное удареніе*. Это послѣднее, если оно отдѣляется отъ главнаго ударенія безтоннымъ слогомъ, дѣлаетъ слогъ долгимъ, въ противномъ случаѣ онъ остается короткимъ. Слогъ съ метегомъ, стоящій между двумя безтонными слогами, для метра имѣетъ значеніе долгаго; метегъ при швѣ *mobile* и *compositum* не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ шва не даетъ слога. Законъ ударенія метега необходимо долженъ быть принятъ, потому что въ первыхъ пятнадцати Псалмахъ между двумя главными удареніями встрѣчается по три безтонныхъ слога, при чемъ слогъ, стоящій между двумя безтонными, обыкновенно имѣетъ метегъ. Иначе въ такихъ случаяхъ была бы совершенная потеря ударенія словомъ, когда главное удареніе заслоняется вслѣдствіе соприкосновенія съ другимъ главнымъ удареніемъ; очевидно тогда должно выступить побочное удареніе съ силою долгаго слога. 5. Исправленіе мазоретской акцентуаціи *допускается*, если оно возможно по грамматическимъ законамъ и требуется метромъ; напримѣръ, грамматически возможно выбросить короткую гласную предъ суффиксомъ 2-го лица и поставить удареніе на этомъ суффиксѣ. Такое исправленіе бываетъ даже необходимо потому что мазоретская акцентуація есть чисто грамматическая (?), и во многихъ мѣстахъ не согласна съ метрическою въ выраженіи устраненія одного тона другимъ и опредѣленіи побочнаго тона. 6. Первые пятнадцать Псалмовъ имѣютъ метръ *ямбическій* и *анapestическій*, при чемъ чрезъ цезуру первый можетъ получить трохей, а послѣдній дактиль; но нѣтъ ни одного псалма чисто ямбическаго или чисто анапестиче-

скаго. Основною мѣрою является спондическая (— —) съ анапестическими перемѣнами для ямба. Въ отношеніи числа стопъ стихи очень разнообразны: обыкновенны стихи пятистопные, шестистопные, семистопные и осмистопные, но есть короче и длиннѣе; чрезъ цезуру стихи раздѣляются на два или болѣе рядовъ. 7. Что касается строфъ, то число стиховъ, входящихъ въ составъ ихъ, иногда бываетъ согласно съ числомъ стопъ стиха этой строфы, иногда зависитъ отъ числа стопъ стиха другой строфы, во всякомъ случаѣ въ распредѣленіи строфъ господствуетъ симметрія. Первая и послѣдняя строфа Псалма очень часто сходны между собою, тогда какъ въ срединѣ много варіацій.

Нетелеръ. Псаломъ 1-й ').

- [illegible]

Псаломъ 15.

1. $\frac{1}{2} - \frac{1}{3} - \frac{1}{6}$; $\frac{1}{2} - \frac{1}{3} - \frac{1}{6} = 3 + 3$.

¹⁾ Числа передъ строкою указываютъ мазоретскіе стихи, квадратныя черточки—слоги; акцентъ—слогъ ударенія; числа на концѣ строкъ сумму слоговъ.

2. $\frac{1}{2} - \frac{1}{3} - \frac{1}{4} - \frac{1}{5}$; $\frac{1}{6} - \frac{1}{7} - \frac{1}{8} - \frac{1}{9}$ 4+3.

3. $\frac{1}{2} - \frac{1}{3} = \frac{3}{6} - \frac{2}{6} = \frac{1}{6}$; $\frac{1}{6} + \frac{1}{6} = \frac{2}{6} = \frac{1}{3}$.

[illegible]

5. $-\frac{1}{2} - \frac{1}{2} - \frac{1}{2} - \frac{1}{2} - \frac{1}{2} - \frac{1}{2} - \frac{1}{2} - \frac{1}{2}$;
 $-\frac{1}{2} - \frac{1}{2} 7+3.$

Не распространяясь много о системѣ Нетелера, такъ какъ она еще развита только въ приложеніи къ первымъ пятнадцати псалмамъ, мы должны замѣтить однакожь, что она слѣдуетъ самой правдоподобной изъ предшествующихъ системъ именно системѣ Беллермана. Но ограничивая такимъ малымъ количествомъ псалмовъ, приложеніе своей системы, Нетелеръ не обошелся безъ необходимости подгонять текстъ подъ свой размѣръ разными поправками; напримѣръ въ 1 пс. 3 ст. предлагаетъ читать ка'ез вмѣсто к'ез; 1 пс. 4 ст. рекомендуетъ прибавку къ стиху лишнихъ словъ *mipne'j ha'arez*, слѣдуя переводу LXX и пр.

Этотъ длинный рядъ неудачныхъ попытокъ къ открытію библейскаго метра, естественно, породилъ наконецъ сомнѣнія въ возможности найти его и остановилъ изслѣдованія многихъ экзегетовъ въ этомъ направленіи. Изслѣдователи, высказавшіе сомнѣніе въ возможности найти метръ, хотя и предполагавшіе его, прежде Карпизова, были: *Вальтеръ* (deploranda interim est seriotum gentis judaeicae miseria, tum ex parte aliqua etiam nostra infelicitas, quod rationem metri et musicae hebraicae ignoramus; ea enim, ut multa alia cum judeorum politia et ecclesia penitus interiit. Officin. bibl. § 890, p. 968), *Лёшеръ* (vetus illa et divina carmi-

num ratio hactenus est $\xi\kappa\ \tau\acute{\omega}\nu\ \alpha\nu\epsilon\zeta\epsilon\rho\epsilon\upsilon\nu\eta\tau\omega\nu$ nullaque hominum industria detegi potuit. De causis linguae hebraeae 436), *Данаверъ* (Spirare in codice sacro aliquam poesin insinuat [historia, testimonia abcinuunt, plagia produnt, oratio aperit, res ipsa boquitur. Homil. Academ. XIX), *Алтимъ* (Forma est metrica sermone ligato ad leges carminum variorum, quorum tamen ratio hodie nescitur. Exeg. Psalm. 601), Себ. *Шмидъ*, *Белларминъ*, *Бартолокій*. Приводя эти мнѣнія своихъ предшественниковъ, *Карпзовъ* разъясняетъ, что библейская поэзія дѣйствительно имѣла опредѣленную метрику, такъ какъ она требуется музыкою, но что правила этой метрики отличались отъ греческихъ и римскихъ и теперь совершенно потеряны (hodie prorsus deperdito nullique forte mortalium cognito, maxime cum nullum judaicae literaturae et humanitaris monumentum hoc aevo superet, quod parem cum sacro codice ferat actatem. Intr. ad lib. canon. vet. Test. p. 11). Но обстоятельнѣе всѣхъ высказался въ этомъ мнѣніи Роб. *Ловтъ* въ своемъ блестящемъ сочиненіи Praelectiones de sacra poësi Hebraeorum.. Что въ Библии есть стихотворный языкъ, это, по Ловту, наглядно видно изъ искусственного стихотворнаго раздѣленія стиховъ въ алфавитныхъ псалмахъ, а также изъ свободнаго и неправильнаго употребленія многихъ словъ и оборотовъ въ такъ называемыхъ поэтическихъ книгахъ, что могло быть нужно только въ интересахъ метра; иначе эти удлиненія и укороченія словъ, къ которымъ прибѣгаютъ ветхозавѣтные поэты, эти особенныя слова и обороты, какихъ нѣтъ въ книгахъ историческихъ, будутъ совершенно необъяснимы. Но что касается самой мѣры стиховъ библейскихъ, то она *человѣческими средствами не можетъ быть открыта* (id omne et penitus ignotum esse et nulla unquam arte aut industria humana investigari posse, ex ipsa rei natura satis apparet). «Я не могу вѣрить, прибавляетъ *Пфейфферъ*, въ какую либо систему древне-еврейскаго метра, потому что былъ ли онъ или нѣтъ (вѣроятнѣе что былъ), онъ погребенъ на вѣки подъ позднѣйшею пунктуаці-

ею библейскаго текста (Über die Musik der alten Hebräer стр. XVI)». «Все, что можно говорить о ветхозавѣтной поэзии (*Янъ* въ своей bibl. Archäol. 1. 488) это только то, что она состоитъ изъ различныхъ стиховъ, между которыми одни длиннѣе, другіе короче, одни движутся медленно и рассчитаны на впечатлѣніе величія и силы, другіе идутъ тяжело и съ какъ бы нѣкоторымъ трудомъ, какъ голосъ человѣка плачущаго, третьи одушевленно и живо; но назвать родъ библейскаго стиха на этихъ основаніяхъ нѣтъ никакой возможности». «Всѣ труды, какіе были предприняты по поводу открытія метра Библии (*Буксторфъ*. Thesaurus gramm. Tract. de prosodia) напоминаютъ одно выраженіе изъ Bava kama (fol. 95): *погрузился въ глубокую воду, чтобы вынуть ненужный черепокъ*. Даже *Гердеръ*, съ своимъ глубокимъ поэтическимъ чутьемъ, колебался признать и опредѣлить библейскій метръ: ничего не можетъ быть труднѣе, говоритъ онъ, какъ передать стихъ еврейскій въ размѣръ древняго темпа и рѣзма. Не только въ древнее время, но еще и теперь, востокъ ничего не знаетъ о нашей гармоніи и употребляетъ особенную свободную мѣру слоговъ, такъ что нужно оставить всякія попытки подвести нашъ стихъ подъ метръ восточный или наоборотъ (Geist der hebr. Poesie 1. 352).

Среди этихъ неопредѣленныхъ сомнѣній въ возможности найти метръ Библии, выступаетъ еще особенный не опредѣленный взглядъ, срединный между признаніемъ и отрицаніемъ, отвергающій рѣшительно какой либо *метръ* въ Библии, но признающій въ ней *рѣзмъ*, и *поэтическія мелодіи*. На переходѣ къ этому взгляду стоитъ *Возій* (de natura et const. artis poet. 1. 77), признавшій въ нѣкоторыхъ книгахъ Библии только соответствующее число слоговъ въ размѣрѣ стиховъ, но не метръ (In Iobo et Proverbiis Solomonis solum Rhythmus est non metrum; hoc est, syllabarum numerus, non quantitas attenditur. Idem iudicium est de posteriori Mosis cantico. Similes igitur sunt versus, ac Graecorum illi, quos

politicos vocant. Hi trochaici tetrametri catalectici videntur, si syllabas numeres; sed quantitas negligitur. At in Psalmis et Threnis ne Rhythmus quidem observatur, sed oratio est soluta, quae spiritu ac charactere Poetico animetur). Насколько была неудобна принятая здѣсь точка разсмотрѣнія, видно изъ того, что Возій принужденъ былъ причислить къ прозаическимъ книгамъ Псалмы и книгу «Плачь», не будучи въ состояніи измѣрить въ нихъ и раздѣлить грезившійся ему рѣзмъ. Удивленіе предъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ высказываетъ даже одинъ изъ послѣдователей Возія *Скалтеръ* (animadv. ad Chron. Evseb. 6) прибавляя при этомъ, что библейскій стихъ, имѣя рѣзмъ, не имѣетъ метра, потому что in hebraico, Syriaco, arabico et abyssino idiomate ulla metri species concipi possit, nemo efficere potest, quia id *naturâ sermonis non patitur*. Замѣчаніе очень не удачное, потому что арабскій и сирскій языкъ, также какъ и новоеврейскій, имѣютъ правильный метръ. *Михаэлисъ*, въ своихъ замѣчаніяхъ на выше приведенное мнѣніе о библ. метрѣ Лозга (Praell. tom. 1. 48), сближаетъ допускаемый имъ въ библ. поэзіи рѣзмъ съ тѣмъ, что у насъ называется речитативомъ. «Мы различаемъ, говоритъ этотъ писатель, два рода стиха: соразмѣрный и свободный, также отличные между собою, какъ отлично искусственное танцевальное па отъ свободного плясового движенія. За евреями мы признаемъ только свободный рѣзмъ, т. е. необточенные звуки, но вообще соответствующіе музыкальнымъ движеніямъ, которымъ можно аккомпанировать инструментомъ и пляскою. Не безъ сходства еврейскій стихъ съ отдѣльными тристихами одъ Горация, звучащихъ разнообразными стопами. Если слоги съ удареніемъ отличать въ произношеніи какъ долгіе, то музыкальность библейскаго стиха будетъ приближаться къ тому, quod recitativum dicimus». Съ Михаэлисомъ соглашается вполне и Г. *Мейеръ* (Germeneutik des alt. Test), признавая въ Библии только видный при первомъ взглядѣ рѣзмъ поэтическихъ книгъ, къ которому онъ относитъ всѣ видимыя

различія языка поэтическихъ книгъ отъ прозаическихъ. *Пфейферъ* (Diatr. de Poesi hebraeorum. 18) также принимаетъ связанную съ числомъ слоговъ, но исключаящую всякій метръ *мелодію*, подобную той, какая существуетъ въ нѣкоторыхъ латинскихъ церковныхъ пѣсняхъ, напр. въ пѣсняхъ: puer natus in Bethlehem и проч. ad coenam agni providi и пр. Surrectus Christus hodie и проч. Spiritus sancti gratia и пр. На мелодіи же настаиваетъ и *Абарбанель* (Комм. на Ис. гл. 5). различающій въ Библии два рода стиховъ: α) стихи, которые можно называть такими не по ихъ внѣшней формѣ, а по конкретной образности ихъ содержанія и β) стихи, не имѣющіе метра, но основывающіеся на мелодіяхъ, которыя, въ отношеніи къ слогамъ, бываютъ то удлинненныя, то сжатые; отсюда сокращенныя и удлинненныя формы нѣкоторыхъ словъ и выраженій.—Вообще касательно этихъ обращеній къ мелодіямъ и какимъ то неопредѣляемымъ приемамъ нужно сказать, что въ исторіи разъясненія библейскаго стиха научнымъ путемъ онѣ не имѣютъ никакого значенія, потому что основываются не на какихъ либо осязательныхъ основаніяхъ, а только на субъективномъ поэтическомъ чутьѣ. *Мелодія*—общій терминъ, которымъ можно опредѣлить не только поэзію, но и прозу.

Отъ этихъ колебаній въ признаніи какого либо метра въ Библии не далеко было до его положительнаго отрицанія, какъ въ отношеніи собственно метра, такъ и того, что выше указанные толкователи называли приемомъ. Къ этимъ вполне отрицательнымъ взглядамъ на ветхозавѣтную поэзію принадлежатъ взгляды *Ричарда Симона* (Histoire critique du V. Test. 1. 57), *Альстедія* (Encyclop. bibl. seu triumf. bibliorum, 257), рабби *Азаріи* (Meor Enejim), А. Alex. *Вольфа* (Der Phophet Habakuk). Но самыми лучшими представителями этого взгляда были *Мендельсонъ* (Комм. на 2 Моис. 15) и *de-Vette* (Komment. über die Psalmen, 57). «Свящ. пѣсни, говоритъ Мендельсонъ, обязаны своимъ происхожденіемъ пророчественному духу и св. вдохно-

венію, оттого они не измѣримы и не исчислимы по обыкновеннымъ мѣрамъ стиховъ, не состоятъ изъ частей строго раздѣленныхъ по длинѣ и ширинѣ, какъ греческія и римскія пѣсноп., не имѣютъ даже полныхъ и не полныхъ слоговъ, или рима на концѣ стиха, какъ въ новыхъ еврейскихъ пѣсняхъ». Но особенно рѣшительно высказываетъ это отрицаніе де-Ветте. «Единственное основаніе, изъ котораго Ловтъ надѣялся безошибочно вывести римическое раздѣленіе и упорядоченіе еврейской поэзіи, говоритъ де Ветте, это былъ алфавитный порядокъ нѣкоторыхъ псалмовъ и другихъ поэтическихъ отрывковъ. Но дѣйствительно ли то не многое, что находить, такимъ образомъ, Ловтъ, суть строфы и стихи, это еще вопросъ, на который или нельзя отвѣчать, или нужно отвѣчать отрицательно. Если бы въ свящ. пѣсняхъ были какіе либо слѣды метрики, то въ нихъ непременно можно было бы прочесть законъ какого бы то ни было свойства; но такъ какъ всѣ труды къ открытію этого закона кончились ничѣмъ, то очевидно его нѣтъ, а слѣдовательно нѣтъ и метра. Многіе думали, что метръ библейскій потерялъ вслѣдствіе введенія въ текстъ мазоретской пунктуациі. Что касается меня, то я вѣрю въ правильность еврейской пунктуациі, не требующую исправленія. Но и независимо отъ нее, однимъ глазомѣромъ легко угадать отсутствіе всякой равномерности въ еврейской пѣсноп., такъ какъ въ ней безъ порядка стоятъ длинныя и короткіе стихи одинъ подле другаго; въ какой поэзіи встрѣчается что либо подобное?» — Очевидно, что эти отрицатели не сказали ничего больше своихъ предшественниковъ, сомнѣвавшихся въ возможности открыть библейскій метръ; только, вмѣсто обыкновеннаго прежде, субъективнаго выраженія собственнаго невѣденія въ отношеніи къ свящ. поэзіи, здѣсь стараются объективно констатировать полное отсутствіе поэтическихъ формъ въ Библии. — Итакъ, и попытки найти равномерный метръ въ Библии по образцамъ извѣстныхъ поэзій, и попытки отвергнуть его оказались одинаково безосновательными и несостоятельными.

Изученіе поэтической библейской литературы повѣйшаго времени, въ лицѣ своихъ лучшихъ изслѣдователей, слагаетъ на болѣе широкую точку зрѣнія, все болѣе и болѣе заинтересовывая собою не только записныхъ филологовъ и богослововъ, но и обыкновенныхъ диллтантовъ не только богословской, но и свѣтской науки. Одни изъ изслѣдователей стараются поставить въ связь метрическія формы Библии съ строеніемъ стиха въ простыхъ народныхъ пѣсняхъ разныхъ народовъ германскихъ и романскихъ, сопровождая свои аналогическія сопоставленія философскими трактатами о происхожденіи поэзіи и ея необходимыхъ элементахъ внутреннихъ и вѣшнихъ. Здѣсь мы должны припомнить Ферд. *Вольфа* (über die Lais, Sequenzen und Leiche. 1814. стр. 14), перваго положившаго различіе между метрикою стиховъ и ихъ *пѣвучестію* или музыкальностію. Древнѣйшія (говоритъ Вольфъ), такъ называемыя сатурническія пѣсни и обрядовыя народныя пѣсни римлянъ (до введенія Енніемъ греческой искусственной поэзіи) были дѣйствительно стихотвореніями и пѣлись народомъ, не имѣя однакожь въ себѣ изометрическаго такта, расположеннаго по удареніямъ и числу и качеству слоговъ. Это положеніе Вольфа *Зоммеръ* (bibl. Abhandl. 1. s. 136 и дал.) прилагаетъ къ библейской поэзіи, прибавляя впрочемъ, что она должна стоять выше обыкновенной безыскусственной народной поэзіи, потому что многіе псалмы обнаруживаютъ большую, хотя и не опредѣленную еще, равномѣрность, указывающую болѣе предчувствіе строгаго риѐма и метра, чѣмъ надлежащее обладаніе ими. Другой замѣчательный знатокъ индогерманскихъ и семитическихъ литературъ, *Ернестъ Мейеръ* находитъ въ библейской поэзіи мотивы германской или швабской пѣсни. Въ предисловіи къ своему сочиненію: Die Form der hebraischen Poesie, напомнимъ, что, кромѣ греческой и арабской метрики, которую напрасно старались вложить въ формы библейской поэзіи, есть еще eine mittelhochdeutsche Poesie, расположенная по совершенно другимъ законамъ, по кото-

рой сложены многи тысячи пѣсней нѣмецкаго народа, Мейеръ признается, что десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ занимался собраніемъ швабскихъ народныхъ пѣсней, были очень важны для него и въ отношеніи къ разясненію библейской поэзіи, и что отъ путешествія по Швабіи онъ выигралъ для пониманія Ветхаго Завѣта больше, чѣмъ можно было бы выиграть отъ путешествія въ Іерусалимъ. Вліяніе народнаго нѣмецкаго стиха на чтеніе библейской поэзіи у Мейера можно видѣть въ его переводѣ нѣкоторыхъ поэтическихъ книгъ Ветхаго Завѣта съ раздѣленіями стиховъ на короткія строки, при чемъ каждая изъ строкъ имѣть непременно два ударенія всегда съ одинаковымъ тактомъ, который на техническомъ языкѣ Мейера будетъ означать *два четвертныхъ такта, естественный тактъ военнаго марша: разъ, два!*... Для примѣра вотъ Мейеровъ переводъ загадки Самсона и ея разгадки. Суд. 14, 18.

Méhaokél — u —

Jazá maakál u — uu —

Ú—meàs — u —

Jazá matok u — u —

Отъ ядущаго

Вышло съѣдобное,

И отъ грубаго

Вышло пѣжное.

Máh matòk — u —

Middebàsch? — u —

Ú—meh às — u —

Méari? — u —

Что будетъ слаще
 Нежели медь?
 Что будетъ крѣпче
 Нежели левъ?

Касательно этого изученія библейскаго метра помощію со-
 постановленія его съ разными національными поэзіями замѣтимъ
 только, что оно получило развитіе подъ вліяніемъ идей Лейбница
 о единствѣ человѣческихъ языковъ, когда еврейскій языкъ, какъ
 праотецъ человѣческихъ языковъ, разсматривался всѣми грамма-
 тиками для того, чтобы, вслѣдствіе тѣснаго отношенія къ нему
 всѣхъ языковъ, объяснить его простотою то, что было непонятно
 въ другихъ языкахъ, когда миссіонеры и путешественники счи-
 тали своею обязанностію составлять полный гербарій человѣче-
 скихъ языковъ и то дѣло писали словари и грамматики человѣ-
 ческихъ языковъ, сопоставляя ихъ прежде всего съ своимъ род-
 нымъ языкомъ, а потомъ съ древнѣйшими языками, особенно съ
 древнееврейскимъ. Библейскіе толкователи эту задачу поставили
 наоборотъ, т. е. непонятное въ языкѣ библейскомъ стали объ-
 яснять аналогією съ новѣйшими языками. Какъ мы сейчасъ ви-
 дѣли изъ примѣра Мейера, который объяснялъ библейскій метръ
 нѣмецкимъ и увлекаясь патріотизмомъ слышалъ тактъ нѣмецкаго
 походнаго марша (Takt des Marsches: eins, zwei! eins, zwei!) въ
 библейской музыкѣ, подобныя сопоставленія не были свободны
 отъ національныхъ предразсудковъ (Мейеръ самъ называетъ свое
 увлеченіе швабскою поэзією *ирльхомъ*, впрочемъ неизбѣжнымъ въ
 настоящемъ нѣмецкомъ оріенталистѣ), не говоря уже о томъ, что
 самый принципъ сравненія такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга
 по мѣсту и времени языковъ, какъ языки еврейскій и нѣмецкій,
 требовалъ большихъ ограниченій. Тѣмъ не менѣе однакожь здѣсь
 сдѣланъ большой шагъ въ развитіи нашего вопроса. Уже то одно,
 что Мейеръ не мучитъ своихъ читателей обращеніемъ къ спондео-

дактилямъ и амбо-анапестамъ греко-римской поэзіи, какъ это дѣлають, съ положительной или отрицательной стороны, всё выше упомянутые изслѣдователи, располагаетъ въ его пользу. Кромѣ этой, неизвѣстной до Мейера простоты въ отношеніи къ предмету, риѳъ, указанный имъ, не будучи еврейскимъ, обращаетъ на себя вниманіе своею пріятностію и не принужденностію. Мы не знаемъ перевода Библии на столько интереснаго и плавнаго въ музыкальномъ отношеніи, какъ замѣчательный переводъ поэтическихъ книгъ Ветхаго Завѣта Мейера. Шенкель (Bibel.Lexikon 1, 600), признаетъ взглядъ Мейера на библейскую поэзію самымъ совершеннымъ, нашедшимъ сочувствіе себѣ далеко за пределами собственно богословскаго круга читателей и ученыхъ.

Если, такимъ образомъ, одни изъ вѣдѣвшихъ искателей библейскаго метра обратились за аналогіями, вмѣсто образцовой литературы греко-римской, къ своимъ національнымъ поэзіямъ и тѣмъ оживили изученіе нашего вопроса; другіе толкователи оставили всё древніе приемы изслѣдованія для независимаго философскаго разясненія сущности ветхозавѣтной поэзіи. Первое мѣсто здѣсь занимають изслѣдованія Евальда (Die Dichter des alten Bundes 1 Th. 1 Hälfte), котораго почти только повторяють въ этомъ вопросѣ всё нынѣшніе изслѣдователи ветхозавѣтной литературы. Признавая, что языкъ ветхозавѣтный не доразвился до метрической поэзіи, Евальдъ признаетъ въ Библии только, независимый отъ вѣдѣвшихъ обыкновенныхъ формъ, внутренній поэтический *риѳъ мысли*, GedankenRhythmus, то опускающейся, то поднимающейся, и такимъ образомъ образующей Tanz der Gedanken, замѣняющій то, что въ другихъ поэзіяхъ называется просодіею. Напр., въ печальной пѣсни Давида риѳъ мысли образуютъ два члена, изъ которыхъ второй наглядно образуетъ пониженіе перваго:

Каменный таранъ, Израиль, погибъ на высотахъ твоихъ!...
О, пали герои.

Первый членъ здѣсь вырывается порывисто и быстро и требуетъ полной груди; напротивъ второй, слѣдующій за сильнымъ напряженіемъ перваго, есть не болѣе какъ отдыхъ и пониженіе тона, послѣ котораго пониженія мысль должна снова подняться на высоту перваго, чтобы слова опуститься въ дальнѣйшемъ членѣ и т. д. Этотъ *танцъ* мысли, идетъ всегда двумя замкнутыми въ себѣ членами, изъ которыхъ каждый имѣетъ смыслъ только при другомъ, а разсматриваемый отдѣльно теряетъ свое живое поэтическое значеніе. Объ этомъ приемѣ мысли мы подробнѣе будемъ говорить въ вопросѣ о происхожденіи библейскаго параллелизма членовъ; здѣсь замѣтимъ только, что, при всей своей обаятельности и глубинѣ, и этотъ взглядъ, названный Фюрстомъ (Gesch. d. bibl. Lit. 1, 456) *въ высшей степени яснымъ основательнымъ и соответствующимъ истинѣ*, не выдерживаетъ критики. Признаемся, что мы не понимаемъ даже, какъ можно говорить о поэтичности мысли, взятой въ себѣ самой, независимо отъ ея звуковой оболочки, въ которой Евальдъ не видитъ метрическаго сложенія. Всякая мысль, если ее представить голою и разоблаченною отъ всякихъ звуковыхъ словесныхъ покрововъ, будетъ имѣть простой прозаическій характеръ, какъ бы ни было высоко и важно ея содержимое. Точно также и взаимное отношеніе такихъ мыслей между собою можетъ быть повышеніемъ или пониженіемъ въ логическомъ или грамматическомъ отношеніи, но не въ поэтическомъ. Если мы не подбирая особенныхъ звуковъ, скажемъ просто: *слушай сынъ, что говоритъ отецъ, а также не забывай и наставленій матери*, то, конечно, въ этихъ двухъ мысляхъ самое невзыскательное ухо не подмѣтитъ какого либо *танца* или поэтическаго шага, хотя отношеніе между этими мыслями соответствуетъ тому, что Евальдъ называетъ приемомъ *полнымъ*, съ повтореніемъ цѣлаго предложения. Самые термины Евальда: *вдыханіе и выдыханіе мысли, ритмъ мысли, фуа мысли, шагъ мысли, танцъ мысли, натуга*

мысли, прыжокъ мысли и проч. дикп, если ихъ относить къ голый, отвлеченной мысли; то что поднимаетъ и опускаетъ мысль, даетъ ей вялость и стремительность, ровность и музыкальный тактъ, относится уже не къ мысли, какъ такой, а къ ея выраженію, дающему цвѣтъ и образъ мысли. И такъ рѣчь мысли, собственно говоря, не существуетъ, и потому всѣ толкователи, признающіе параллелизмъ предложеній единственною формою библейской метрики, только затемняютъ для своихъ читателей сущность библейской поэзіи, внося въ поэтическую область чуждыя ей логическія, риторическія и грамматическія понятія: синонимовъ, положеній, противоположеній, причинъ и слѣдствій, сравненій и т. под.

Къ какому заключенію должна привести эта исторія нашего вопроса? Огромная масса теорій, встрѣчающихся здѣсь, конечно свидѣтельствуетъ прежде всего сколько о важности вопроса, перѣходившаго изъ рукъ въ руки и поглощавшаго собою многіе годы трудовъ многихъ замѣчательныхъ умовъ въ Европѣ, столько и о необыкновенной его трудности, вслѣдствіе которой всѣ изслѣдованія до настоящаго времени не привели еще къ его окончательному рѣшенію. Такимъ образомъ, опыты прежняго времени требуютъ отъ изслѣдователя крайней осторожности въ изслѣдованіи, чтобы не быть жертвою тѣхъ одностороннихъ увлеченій, которыя лишаютъ значенія труда предшествующаго времени по нашему вопросу. Первое увлеченіе представляютъ изслѣдователи—классики, полагавшіе невозможнымъ, чтобы божественное слово встрѣтило для себя между человѣческими звуками что либо болѣе соотвѣтственное себѣ и изящное, чѣмъ формы поэзіи греческо-римской ¹⁾. Всѣ попытки такого рода должны быть оставлены на всегда послѣ того, какъ теперь доказано, что древніе языки *не знали разли-*

---

¹⁾ По этимъ же побужденіямъ извѣстный составитель славянской грамматики, Милетій Смотрицкій, жившій въ XVII вѣкѣ, старался ввести греко-римское стопосложеніе и въ русскомъ языкѣ, и тоже напрасно.

ция долгихъ и короткихъ гласныхъ (см. Шлейхера сравн. грамматика индо-европ. языковъ, изд. ред. Филол. записокъ въ Ворон. стр. 11, а о еврейскомъ языкѣ *Lehrgeb. der hebr. Sprache von Gesenius* § 9, 2). Всякое раздѣленіе долгихъ и короткихъ могло быть только дальнѣйшимъ слѣдствіемъ грамматическаго изученія языка. Такимъ образомъ Гомеръ, художественный стихъ котораго соблазнилъ древнихъ христіанскихъ изслѣдователей, не желавшихъ ставить его выше стиха библейскаго, долженъ еще защищать, и едва ли когда нибудь окончательно защитить, свою подлинность отъ возраженій. Не возможно представить себѣ, чтобы гомеровскій гекзаметръ выработался инстинктивно помимо вѣрнаго, научнаго, но немыслимаго во времена Гомера, различенія звуковыхъ элементовъ. Хотя музыкальная словочуткость могла, конечно, услаждаться произвольнымъ ритмическимъ изліяніемъ, хотя уже и древніе греки говорили, что сама природа научила ихъ героическому стиху, и онъ дѣйствительно является естественнымъ расчлѣненіемъ звуковыхъ соотношеній греческой рѣчи; тѣмъ не менѣе безъ яснаго грамматическаго уразумѣнія различныхъ элементовъ звука, безъ подлежащей оцѣнки гласныхъ и согласныхъ, рѣшительно нельзя понять художественную и утонченную выработку гексаметра, его строгомѣрную свободу, его законность, хотя и оставляющую полный просторъ индивидуальному вдохновенію. «Какъ ни близко сродна языку поэзія, говоритъ Гумбольдтъ, все же она испытываетъ на себѣ совокупное дѣйствіе всѣхъ развивающихся духовныхъ способностей человѣка; попасть на стройную плетеницу короткихъ и долгихъ слоговъ можетъ только чутко развитый слухъ, научившійся долгимъ опытомъ различать каждый изъ звуковъ въ перенутой связи его съ другими, опредѣлять его и распознавать его относительный вѣсъ». Что касается евреевъ, то, не смотря на рано явившуюся у нихъ письменность, ихъ языкъ, во весь періодъ библейской литературы, не выходилъ изъ періода естественнаго роста. Мы увидимъ вно-

слѣдствіи, что нѣкоторая искусственность напр., алфавитныхъ псалмовъ не требовала продолжительнаго книжнаго развитія и свойственна даже скандинавскимъ и древнегерманскимъ народнымъ поэзіямъ,

Второй урокъ изслѣдователю даютъ толкователи-отрицатели библейскаго метра, увлекшіеся своимъ отрицаніемъ до забвенія простыхъ первоначальныхъ условій языка и ясныхъ историческихъ указаній. Если польза представить первоначальной чело-вѣческой поэзіи на высотѣ гекзаметра, то, съ другой стороны возможно ли отсутствіе въ немъ всякаго метра и рима? Въ такомъ случаѣ вообще поэзія у евреевъ не существовала бы, и напрасно толкователи этого направленія еще говорятъ о поэтической библейской литературѣ, отдѣльно отъ прозаической. Что метръ былъ въ древнееврейскомъ стихѣ это видно: 1) изъ того, что *безъ него необходимо никакая поэзія въ міръ*. По свидѣтельству Страбона (Georg. lib. III), Тацита (De mora germ. cap. 2) и друг. всѣ народы самые варварскіе и грубые, не имѣвшіе никакихъ законовъ, всегда имѣли законъ метра, которымъ они прославляли своихъ героевъ и предковъ. Тѣмъ болѣе не могли не имѣть метра и рима евреи, обладавшіе уже значительною литературою. 2) Древніе *евреи безспорно имѣли музыкальныя мелодіи* (ср. Ам. 6, 5). При національных празднествахъ, торжественныхъ и печальныхъ, псалмы и пѣсни пѣлись цѣлыми хорами (1 Сам. 17, 6—7 21, 11. Ам. 6, 5. Ис. 5, 12. 1 Цар. 1, 10 и дал. Ис. 68, 26). Если де-Ветте отнимаетъ у евреевъ всѣ мелодіи и мелодическія пѣсни, на основаніи пытлившей синагогальной кантиляци, ложно понятой имъ какъ древній библейскій напѣвъ (ср. объ этомъ нашу статью: древнеевр. музыка... Гр. К. Акад. 1871. Дек. 390 и дал.), то прогнѣвъ него свидѣтельствуетъ Геродотъ (1, 198. 2, 79, 75), опредѣленно говорящій о мелодіяхъ близкихъ къ евреямъ Финикіянъ и Вавилонянъ. Точно также у родственныхъ евреямъ арабовъ съ глубокой древности и доселѣ

существуютъ мелодіи самаго опредѣленнаго свойства. Очевидно, что онѣ были и у евреевъ, потому что иначе самые термины: пѣвцы, пѣвицы, пѣсія (schir), часто встрѣчающіеся въ Библии, не имѣли бы смысла. Если же у евреевъ были извѣстны музыкальныя мелодіи, и при томъ тѣ напѣвы, которые вообще свойственны лирическимъ пѣснямъ народа (такъ какъ у евреевъ другой поэзій кромѣ лирической и не существовало); то они не могли существовать безъ ритмически размѣреннаго стиха и правильно повторяющейся строфы. 3) *Евреи имѣли обычай плясать подъ пѣніе своихъ пѣсней.* Такъ уже въ самомъ началѣ еврейской исторіи побѣдныя пѣсни сопровождаются пляскою женщинъ (Исх. 15, 20). Такъ такой пляски первоначально давался всегда только *пѣніемъ* (1 Сам. 18, 7. Одиссея, 1, 152). Позже пляшутъ подъ звуки инструментовъ, но также въ связи съ пѣснію (Іер. 41, 4). Но эротъ плясовой такъ пѣсни во всякомъ случаѣ долженъ былъ основываться на ритмически расчлененной мелодіи и такимъ образомъ съ необходимостію приводитъ насъ къ мѣрно построенному стиху. 4) Но самымъ яснымъ образомъ говорятъ о метрическомъ или строфическомъ раздѣленіи ветхозавѣтной пѣсни *алфавитныя пѣсни*, указывающія вмѣстѣ и то, что древнія пѣсни пѣлись, и то, что они слагались соразмѣрно. — Такимъ образомъ, вопреки сомнѣніямъ и положительнымъ отрицаніямъ библейскаго метра и рима, дѣйствительность того и другаго стоитъ выше сомнѣній и «не за вѣтромъ въ пустынѣ», какъ выражался рабби Азарія, гонялись тѣ, которые усиливались разгадать строй священнаго стиха. Если изслѣдователи — классики не поняли библейскаго стиха, потому что несправедливо приписывали его внѣшней формѣ и достоинству слишкомъ много, то изслѣдователи второй категоріи не менѣе несправедливо приписали ему слишкомъ мало, или почти ничего, и тѣмъ самымъ отказались отъ его пониманія. Къ послѣднимъ нужно причислить и философствующую школу Евальдова направленія, занятую риемомъ библейской мысли и

разработавшую одну реторическую и грамматическую сторону библейского стиха.

Только одно изъ рассмотрѣнныхъ нами направленій, какъ болѣе живое и общающее, можетъ обратить на себя вниманіе современнаго изслѣдователя древней поэзіи, это именно сравнительное изученіе древнебиблейскаго стиха съ стихосложеніемъ предшествовавшихъ книжному періоду, простыхъ и безыскусственныхъ народныхъ пѣсень. Здѣсь прежде всего заслуживало бы вниманія стихосложеніе близкихъ къ евреямъ арабовъ и сирійцевъ, какъ этого и требовала школа иперарабистовъ: но, такъ какъ древнѣйшіе арабы не сохранили своихъ пѣсней, а позднѣйшіе арабскіе стихи пишутся заимствованнымъ отъ грековъ, книжнымъ метромъ; то рассмотрѣнныя выше системы Юнеса и Грече должны быть отвергнуты вмѣстѣ съ системами послѣдователей классицизма. Аналогіи для изученія ветхозав. стиха можно брать только изъ самыхъ чистыхъ народныхъ стиховъ и ихъ склада, избѣгая, впрочемъ, увлеченія какою либо отдѣльною національною поэзіею, какъ это мы видѣли у Мейера. Чего нѣтъ въ другихъ пѣсняхъ народовъ востока и запада, то, нужно сказать à priori, должно быть отрицаемо и о поэзіи древнееврейской. Наоборотъ, что неомыѣнно существуетъ въ пѣсенномъ языкѣ всѣхъ, или очень многихъ народовъ, этого мы вправѣ искать и въ библейскомъ стихѣ, конечно въ томъ случаѣ, если для этого есть основаніе въ библейскомъ текстѣ и акцентуаціи. Даже и метръ греко-римскій здѣсь можетъ имѣть значеніе, но только въ ряду другихъ народныхъ поэзій и своими простѣйшими размѣрами. Позволяемъ себѣ воспользоваться въ заключеніе нашего введенія прекраснымъ изображеніемъ Шиллера: «если звуки хвалебнаго гимна Божеству не перестаютъ слышаться на землѣ; если міръ отъ начала все движется въ одномъ религіозномъ хороводѣ, при чемъ народъ Божій стоитъ въ главѣ человѣчества, такъ что по-

слѣдній еврей держитъ за руку перваго арійца, послѣдній аріецъ перваго грека, послѣдній грекъ перваго римлянина и т. дал.; то не благозвученъ былъ бы этотъ хороводъ если бы, при всемъ разнообразіи звуковъ, не было въ немъ нотъ и тоновъ общихъ всему человѣчеству».

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Олещицкій.

